

1911 г.

№ 3.

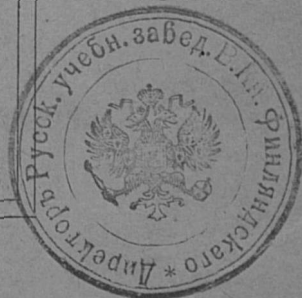
ПРАВОСЛАВНЫЙ ФИНЛЯНДСКІЙ СБОРНИКЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

1. Основное заблужденіе католичества и протестантства. (Изъ академическихъ лекцій).
Архіеп. Сергія.
2. О Пастырствѣ. (Мысли изъ дневника о. Іоанна Кронштадтскаго).
3. Что такое «живое» проповѣдническое слово.
Гером. Веніамина.
4. «Разсказъ».
5. Епархіальная хроника. Торжественное епархіальное собраніе Православнаго Карельскаго Братства.
6. Отчетъ Комитета Православнаго Финляндскаго Братства Свв. Сергія и Германа, за 1910—1911 братскій годъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

г. Гельсингфорсъ.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ФИНЛЯНДСКИЙ
СБОРНИКЪ.

1911 — № 3.

LIBRARY
UNIVERSITY

ПЕРВОСЛАВНЫ

ФОНДНИК

СБОРНИКЪ

Печатать разрѣшается. Цензоръ Протоіерей Н. Никольскій.

№ 3 — 1111

1811

Основное заблужденіе католичества и протестантства.

(Изъ академическихъ лекцій).

II. О католичествѣ *).

Противъ славянофиловъ говорили (проф. Н. Бѣляевъ), что рационализмъ начало слишкомъ формальное, чтобы ему быть основнымъ началомъ католичества. Кромѣ того, по своей неопредѣленности и растяжимости, онъ не даетъ основаній отличить католичество отъ другихъ сектъ: каждая изъ нихъ можетъ быть объяснена такимъ рационализмомъ, въ смыслѣ возстанія частнаго разума противъ церковно-вселенскаго авторитета». Въ частности, если католицизмъ есть рационализмъ, то какъ отличить его отъ протестантскихъ сектъ рационалистическихъ, собственно такъ называемыхъ?...» — Намъ думается, что славянофилы довольно основательно возражаютъ на это тѣмъ, что признають католичество попыткой соединить въ себѣ два начала философское и церковное, начало личнаго разумѣнія и церковнаго преданія. Католицизмъ желалъ оставаться церковью, и на ея авторитетъ хотѣлъ опираться, но въ то же время онъ призналъ и начало личнаго разумѣнія въ дѣлѣ открытія Божественной истины, отсюда внутреннее противорѣчіе въ католицизмѣ. Эта церковность католицизма настолько опредѣленная черта, что смѣшать католицизмъ съ другими рационалистическими сектами едва ли возможно. Съ другой стороны, католицизмъ несомнѣнно былъ ересью противъ природы церкви, поскольку призналъ рационалистическое начало (истина ввѣрена не единству церковной жизни, а можетъ быть опредѣлена путемъ логическимъ). Этимъ католицизмъ сталъ на почву всѣхъ вообще раціо-

*) Продолженіе. См. №№ 1 и 2 Сборника 1911 г.

налистическихъ сектъ и отличать его отъ этихъ послѣднихъ не представляется нужды, ни права: самыя крайнія рационалистическія секты, по взглядамъ славянофиловъ, суть только самыя послѣдовательныя въ принятомъ всѣмъ западнымъ христіанствомъ направленіи. Лютеранство, англиканство и пр. доходятъ почти до конца, но искусственно останавливаютъ себя. Католицизмъ же постарался съ самыхъ первыхъ шаговъ замаскировать себя непогрѣшимымъ авторитетомъ своего первосвященника, но отъ этого природа католицизма, конечно, не мѣняется. Католицизмъ есть рационализмъ, по природѣ тождественный съ сектантскимъ, только замаскированный. Эту черту католичества необходимо, какъ можно яснѣе, выставять на видъ, потому что она даетъ возможность указать католикамъ ихъ истинную природу.

Несомнѣнная заслуга славянофиловъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что они, оставивъ въ сторонѣ обычные приемы, такъ называемаго, научнаго изслѣдованія западныхъ вѣроисповѣданій, рѣшились судить о послѣднихъ съ точки зрѣнія православія и только его одного. Они ясно сознали, что взаимная борьба, которую ведутъ между собой католичество и протестанство, совершенно не касается православія, никакихъ жизненныхъ интересовъ его не затрагиваетъ; что православный богословъ долженъ и можетъ произнести судъ надъ западными заблужденіями, совершенно не принимая никакого участія въ этой ихъ взаимной борьбѣ.

Обыкновенно, въ нашемъ школьномъ богословіи православіе представляется только третьимъ исповѣданіемъ наряду съ двумя другими исповѣданіями, какъ будто равноправными съ нимъ; православіе какъ будто только часть Христовой церкви наряду съ другими такими же частями (католичествомъ и протестанствомъ), изъ которыхъ всѣхъ составляется одна вселенская Христова церковь. Православіе какъ будто даже кое въ чемъ и уступаетъ западнымъ исповѣданіямъ, оказываясь въ концѣ концовъ какой-то неопредѣленной серединой, съ трудомъ скривающей свое содержаніе изъ двухъ западныхъ крайностей. Вѣдь, была же статья въ одномъ изъ духовныхъ академическихъ журналовъ за 1875 г., принадлежавшая весьма видному профессору-богослову, по которой выходило, что разница между православіемъ и двумя западными исповѣданіями состоитъ въ томъ, что католичество увлеклось землей, человѣческимъ элементомъ въ христіанствѣ и позабыло о небѣ, а протестанство наоборотъ слишкомъ одухотворило христіанство, слишкомъ много думаетъ о небѣ, позабывая о землѣ; тогда какъ православіе довольно благополучно примирило высшія, небесныя обязанности и стремленія человѣка съ его земными интересами и потребностями. Но при такомъ представленіи право-

славія, симпатіи всѣхъ не будутъ ли скорѣе на сторонѣ протестантства? Если оно и не такъ благоразумно, какъ православіе, зато гораздо идеальнѣе, возвышеннѣе его. Другими словами, сущность дѣла совершенно извращается!.. Славянофилы же необинуясь указали, что православіе не есть одно изъ исповѣданій только, а есть единственно подлинное ученіе Христово; что православная церковь одна есть подлинно Христова Церковь вселенская, дѣйствительное воплощеніе Христовой жизни на землѣ («исполненіе Исполняющаго все», Еф. 1, 23); что католичество и протестантство не части церкви, а лишь двѣ изъ многочисленныхъ разновидностей одного общаго явленія, т. е. отступленія, заблужденія или ереси. Для нашей семинарской науки (въ особенности тогдашняго времени) эта мысль была весьма трудно переварима... Но, повторяемъ, необходимость утвердить въ сознаніи православныхъ эту мысль привела славянофиловъ къ слишкомъ рѣзкому ея отгѣненію, и потому въ западныхъ исповѣданіяхъ для нихъ на первый планъ выступила сторона скорѣе внѣшняя, дисциплинарная: непослушаніе вселенскому церковному преданію вслѣдствіе склонности оцѣнивать вѣру и ученіе съ точки зрѣнія ихъ внѣшней доказанности и логической состоятельности. Конечно, такая характеристика западныхъ исповѣданій слишкомъ формальна, внѣшняя, слишкомъ многое она приписываетъ мыслящей и правящей половинѣ церкви, чтобы эту характеристику можно было признать исполнѣе достаточной.

То несомнѣнно, что раціонализмъ составляетъ весьма характерную особенность западныхъ исповѣданій и, въ частности, католичества. Несомнѣнно и то, что раціонализмъ оказалъ существенное вліяніе и на самое образованіе католическаго ученія и церковнаго устройства (до папства включительно). Какъ начало, далѣе, въ одинаковой степени свойственное обоимъ западнымъ исповѣданіямъ и въ то же время чуждое православію, раціонализмъ весьма ясно показываетъ коренное, природное различіе православія отъ обоихъ исповѣданій. И это различіе въ прежнее время весьма ясно сознавалось и помнилось православными богословами. Понятельно прочитавъ отзывы о латинскомъ богословіи въ сочиненіяхъ блаж. Максима Грека (см. также брошюру и іеромонаха Тарасія; «Западно-русское богословіе XVI—XVII вв.»). Наконецъ, это различіе православія отъ западныхъ исповѣданій (въ отсутствіи раціонализма) нашло себѣ, можно сказать, оффиціально-церковное выраженіе въ извѣстной, напр., борьбѣ Григорія Паламы съ Варлаамомъ и Акиндиномъ изъ-за Фаворскаго свѣта. Если мы будемъ изучать эту борьбу по изслѣдованіямъ западныхъ ученыхъ, мы въ ней ничего не поймемъ. Защитники Фаворскаго свѣта по-

кажутся намъ какими-то странными, въ лучшемъ случаѣ, фантазерами или даже индійскими факирами, аскетизмомъ доводившими себя до умоизступленія. Но отбросимъ западные предрасудки и посмотримъ на дѣло прямо, и мы увидимъ, что борьба здѣсь, именно, противъ вторженія латинскаго раціонализма, противъ замѣны имъ церковнаго преданія. Варлаамъ — человѣкъ латинскаго ума и образованія, стоялъ всецѣло на почвѣ латинской богословской науки и признавалъ одно средство къ познанію истины — человѣческой разумъ, дѣйствующій на основаніи логики и показаній документовъ. Смысль же трудовъ св. Григорія Паламы въ томъ, что, кромѣ мертвыхъ документовъ, у насъ есть живая церковь Христова, въ которой обитаетъ Духъ Св., въ которой полнота жизни Христовой. Причастные этой жизни, слѣдовательно, могутъ ее постигать и не путемъ логики, а путемъ гораздо болѣе совершеннымъ — путемъ непосредственнаго духовнаго опыта, переживанія. Сокровища этого переживанія нашли себѣ выраженіе въ церковномъ богослуженіи, въ твореніяхъ свв. отецъ и пр. и вполнѣ понятны лишь людямъ, опять-таки живущимъ вышеназванной Христовой жизнью. И Константинопольскій соборъ, осудившій Варлаама, такимъ образомъ, отъ лица церкви призналъ правильной борьбу св. Григорія за церковное преданіе противъ раціонализма, который угрожалъ тогда съ запада. Не могу, при этомъ, не вспомнить замѣчательнаго совпаденія. Въ своей статьѣ: «Что насъ раздѣляетъ отъ старокатоликовъ», я выяснялъ, что главное наше раздѣленіе въ пониманіи церкви: гдѣ теперь едина Христова и апостольская церковь? что, по нашему православному пониманію, Христова единая церковь есть теперь церковь восточная, православная и что, слѣдовательно, если старокатолики хотятъ быть въ нѣдрахъ вселенской церкви, имъ нужно присоединиться къ нашей восточной церкви. Эта статья вызвала бурю негодованія, и вотъ проф. Мишо, издатель старокатолическаго журнала («Старокатолическое Обозрѣніе»), съ пѣной у рта нападавшій на меня въ своей отвѣтной статьѣ, невольно подтвердилъ, что коренное различіе Запада отъ Востока, именно, въ раціонализмъ: безъ всякаго повода Мишо заговорилъ о спорѣ Варлаама и, конечно, причислилъ меня къ партіи св. Григорія Паламы. Но, вѣдь, Варлаамъ и стоялъ именно на томъ пониманіи церковнаго преданія, на какомъ стоятъ старокатолики; вѣдь, и для послѣднихъ преданіе только собраніе историческихъ документовъ изъ эпохи вселенскихъ соборовъ, и разумъ человѣческой (обыкновенная человѣческая наука) признается единственнымъ средствомъ извлечь изъ этихъ документовъ правую вѣру. Такимъ образомъ, многое говоритъ въ пользу того пониманія католичества, которое высказывали славянофилы.

При всемъ томъ, рационализмъ не можетъ быть названъ основнымъ началомъ западнаго христіанства. Рационализмъ, если въ него хорошенъко всмотрѣться, является въ сущности тѣмъ же стремленіемъ къ внѣшней гарантіи спасенія, въ чемъ обвиняли католицизмъ и протестанты; только на этотъ разъ гарантія эта полагается въ логической состоятельности или доказанности вѣры, переносится изъ внѣшней области въ умственную, познавательную. Зачѣмъ же понадобилась человѣку эта логическая доказанность его вѣры, или лучше сказать, зачѣмъ онъ начинаетъ бояться ея недоказанности, предполагать возможность для нея быть недоказанной? До сихъ поръ онъ этой вѣрой жилъ (мы, вѣдь, разумѣемъ истиннаго христіанина) и, такимъ образомъ, непосредственно видѣлъ ея жизненную правду, переживалъ ея истинность. Мать, которая не спитъ ради своего дитяти, едва-ли приходитъ къ мысли это дѣлать путемъ умственнаго разсужденія и едва ли нуждается въ логическихъ подпорахъ для своего дѣла: истинность и должность его переживается ею, можетъ быть, и безъ яснаго сознанія, только тогда, когда падаетъ ея энергія, когда голосъ материнской любви оказывается недостаточнымъ, она должна обращаться къ доводамъ разума, подкрѣплять себя ими. Точно также и для христіанина, истинно живущаго по Христу, пока онъ этой жизнью живетъ, не нужны доводы, не ими онъ приходитъ къ познанію истины своей жизни, истину эту онъ переживаетъ въ себѣ самомъ непосредственно. Необходимо, слѣдовательно, поколебать въ немъ это непосредственное ощущеніе истинности, и тогда онъ потребуетъ себѣ внѣшнихъ подпоръ и логическихъ доказательствъ. Поколеблется же это ощущеніе истинности, когда человѣкъ утратитъ непосредственную связь свою съ истинной жизнью, т. е. когда въ душѣ своей или на практикѣ отступить отъ высоты того идеала, которому до сихъ поръ служилъ. Вѣра и жизнь по вѣрѣ будутъ для человѣка въ этомъ его состояніи чѣмъ-то внѣшнимъ, не имѣющимъ основанія и соответствія внутри. Признать же за истину нѣчто внѣшнее для себя человѣкъ можетъ только путемъ доказательства, ссылкой на логику или указаніемъ на чей-нибудь авторитетъ, вообще путемъ принудительнаго убѣжденія. Здѣсь коренится возможность всевозможныхъ заблужденій, ересей. Заблужденіе (вѣроучительное), — говоритъ Хомяковъ, — всегда есть признакъ и послѣдствіе заблужденія нравственнаго и нравственной немощи, дѣлающей человѣка до извѣстной степени недостойнымъ небеснаго свѣта (61). Этимъ, конечно, не отрицается право разума изслѣдовать вѣру и философствовать. По нашему мнѣнію, настоящими христіанскими философами и были аскеты, наиболѣе ратовавшіе за жизненное постиженіе христіанства. Разумъ у нихъ

не терялъ своихъ правъ. Я говорю только о томъ, чтобы логическій доводъ не былъ средствомъ для подкрѣпленія, для поддержки вѣры человѣка,—необходимо, чтобы эта послѣдняя имѣла основаніе въ себѣ самой, чтобы главная основа убѣжденій человѣка была въ опытномъ, жизненномъ познаніи истины христіанства. Не отрицается также необходимость доказательства для возражателей, для невѣрующихъ (хотя и для нихъ логическій доводъ, какъ показываетъ и практика миссіонерская, имѣетъ скорѣе второстепенное значеніе). Такимъ образомъ, необходимость доказательства для вѣры указываетъ на сомнѣніе, а сомнѣніе имѣетъ свой корень въ нравственномъ состояніи человѣка, въ пониженіи нравственнаго уровня, которое лишаетъ человѣка непосредственнаго ощущенія истинности своей жизни, лишаетъ человѣка опытной повѣрки своихъ убѣжденій.

Въ сочиненіяхъ славянофиловъ есть много основаній ожидать отъ нихъ именно такого пониманія западнаго раціонализма. Вспомнимъ, на примѣръ, слова Хомякова о томъ, что «церковь для истиннаго члена ея не есть авторитетъ, а есть истина». Человѣкъ вѣруетъ ученію церкви не потому, что онъ сознаетъ себя обязаннымъ подчиняться ея голосу, а потому, что, живя тою же жизнію, какою живетъ и вся церковь, онъ этимъ самымъ опытно познаетъ ея истину. Тотъ же смыслъ имѣютъ и разсужденія славянофиловъ о томъ, что ученіе Христа, обладаніе истиной ввѣрено не разуму отдѣльной личности и не отдѣльному какому-нибудь учрежденію, а «вселенскому единству любви», которое царитъ въ церкви. Тотъ, кто блюдетъ это единство любви, т. е. самъ участвуетъ въ жизни Христовой, ввѣренной церкви, кто не прерываетъ съ нею общенія, тотъ и сознаетъ истину, этому единству ввѣренную, и въ этой жизни выраженную. Но лишь только человѣкъ выпелъ изъ этого единства любви, для него остается одно средство познанія истины: свое разумѣніе или какой-нибудь внѣшній авторитетъ. Какъ мы выше видѣли, славянофилы потерю этого единства любви представили, собственно говоря, лишь уклоненіемъ отъ послушанія вселенской церкви въ ученіи. Прежде ни одна церковь частная не рѣшалась дѣйствовать отдѣльно отъ всѣхъ, въ особенности же ожидался голосъ всей церкви въ дѣлахъ, касавшихся вѣроученія. Римская церковь, не спросивъ никого, ввела новый догматъ, прибавила ко вселенскому символу *filioque*, и тѣмъ стала на путь дальнѣйшихъ нововведеній и уклоненій. Но мнѣ думается, что славянофилы въ данномъ случаѣ не берутъ добытой ими мысли во всей ея глубинѣ. Единство любви, которому Христосъ ввѣрилъ истину, въ этомъ случаѣ нельзя понимать только въ смыслѣ вза-

имнаго согласія различныхъ частей церкви. Такое согласіе, какъ только формальныйъ признакъ, можетъ вести и къ искаженію истины, поскольку каждая въ отдѣльности часть церкви можетъ заблуждаться. Необходимъ, слѣдовательно, еще другой признакъ, чтобы единство было дѣйствительнымъ показателемъ истины, и этотъ признакъ и состоитъ именно въ истинной жизни. Вселенская церковь потому является носительницей истины и свидѣтельницей ея, что въ ней (церкви) не изсякая, всегда хранится истинная жизнь, зачатая во Христѣ (что и есть преданіе въ собственномъ смыслѣ). Поэтому то только человекъ, живущій этой жизнью, и понимаетъ непосредственно, опытно, что церковь есть хранительница истины, что преданіе ея, дѣйствительно, Христово и апостольское. Церковь для него, дѣйствительно, не авторитетъ, а самая истина, какъ не авторитетъ для него Богъ и Христосъ: только любящій позналъ Бога и видѣлъ Его (1 Іоан. 4, 7—8, 12). Слѣдовательно, какая-нибудь часть церкви можетъ отпасть отъ вселенскаго единства любви, когда она въ своей жизни отступить отъ Христа, когда она будетъ жить не жизнью Христовой: потерявши въ своей жизни любовь, нельзя принадлежать къ единству любви вселенскому. Непослушаніе голосу вселенской церкви, рационализмъ предполагаетъ, такимъ образомъ, упадокъ нравственный, потемнѣніе христіанскаго сознанія въ той или другой частной церкви. Конечно, такое потемнѣніе всегда случается и всегда есть въ церковной практикѣ; дѣйствительность всегда была ниже идеала и на востокѣ, какъ и на западѣ. Но коренное различіе между этими половинами церкви было въ томъ, что востокъ не рѣшился утвердить этотъ, присущій практикѣ, пониженный идеаль, не призналъ его за истину и, такимъ образомъ, падая не потерялъ сознанія своего паденія, а вмѣстѣ и возможности сознать истину и снова къ ней обратиться. Западъ же поддавался искушенію и захотѣлъ оправдать свое несовершенство соотвѣтственной теоріей спасенія и такимъ путемъ пришелъ и къ формальному отпаденію отъ вселенскаго единства. Въ первое время это отступленіе нѣсколько уравновѣшивалось востокѣмъ, послѣ же отпаденія Рима отъ церкви ничто уже не могло пренятствовать Риму идти его путемъ и, такимъ образомъ, онъ превратился въ современную систему папскаго католичества. Такимъ образомъ, славянофилы, вполне правильно опредѣливъ общую черту западнаго христіанства въ рационализмъ и, указавъ смыслъ этого рационализма въ отпаденіи отъ вселенскаго единства любви, т. е. отъ Христовой жизни,—потомъ слишкомъ отгѣнили дисциплинарную сторону этого отпаденія и не положили центра тяжести въ нравственной, жизненной его сторонѣ.

Этимъ можно закончить обзоръ различныхъ опытовъ объясненія католичества съ точки зрѣнія его основного начала. Обзоръ этотъ приводитъ насъ къ тому выводу, что объясненія католичества нужно намъ искать не въ отдѣльномъ какомъ нибудь догматѣ, ошибочно усвоенномъ католиками, ни въ какихъ нибудь постороннихъ вліяніяхъ или заимствованіяхъ. Всѣ эти причины несомнѣнно имѣли большое вліяніе на судьбу и образованіе католичества, но всецѣло онѣ его объяснить не могутъ. Объясненія этого мы достигнемъ только тогда, когда обратимся къ жизненно-нравственной основѣ католичества, къ тому ложному пониманію жизни и цѣли ея, которое проникаетъ собою всю римскую систему.

Вопросъ о цѣли жизни составляетъ краеугольный камень всякой философіи, онъ же и основной вопросъ всякой религіи. Какъ человѣкъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ, какъ онъ понимаетъ свое назначеніе, въ чемъ полагаетъ смыслъ своей жизни, отъ этого зависитъ весь складъ и строй его теоретическихъ воззрѣній. Пусть отвлеченныя положенія будутъ логически неопровержимы, пусть никакая діалектика не можетъ поколебать ихъ, но если у человѣка есть помимо ихъ свое собственное пониманіе жизни, ничто не помѣшаетъ этимъ безспорнымъ истинамъ оставаться совершенно бездѣйственными и недолговѣчными. Съ теченіемъ времени неопровержимость ихъ забудется, и онѣ будутъ замѣнены другими. Въ книгѣ Лекки («History of rationalism in Europe») прекрасно представлено это постепенное отступленіе прежде общепринятыхъ истинъ предъ измѣнившимся духомъ времени, въ которомъ выражается общественное міровоззрѣніе. Фактовъ, прямо опровергшихъ эти истины, нѣтъ въ распоряженіи современнаго мысленія, ихъ просто устранило измѣнившееся міровоззрѣніе. Точно также и въ основѣ тѣхъ измѣненій, которыя потерпѣло христіанство на западѣ, лежитъ измѣненное міровоззрѣніе, измѣненное представленіе человѣка о смыслѣ и цѣли своей жизни и вообще о своемъ значеніи въ мірѣ. Говоря прямо: по нашему мнѣнію, на западѣ подъ христіанскіе догматы подсунуто міровоззрѣніе человѣка невозрожденнаго, міровоззрѣніе эгоистическое.

Христіанство всегда помнитъ ту истину, что бытіе, имѣющее свой смыслъ въ самомъ себѣ, принадлежитъ только Богу, все же прочее существуетъ только въ зависимости отъ Бога и по причастию въ Его бытіи. Поэтому, въ частности, и человѣческое «я» не отъ себя и не для себя существуетъ, оно должно признать причину свою внѣ себя и поставить цѣлью своего существованія исполненіе той Воли, которая была этой причиной. Отсюда—«мы рабы неключимые, что могли сотворить—сотворили». Отсюда и преосв. Теофанъ на вопросъ: «въ чемъ дѣло заботливыхъ о спа-

сеніи души?» отвѣчаетъ: «въ томъ, чтобы имѣть Бога своимъ Богомъ и себя сознать Божиимъ» (Дом. Бес. 1869 г., 819). Поскольку человѣкъ исполняетъ эту волю, онъ исполняетъ свое назначеніе и становится причастникомъ своей подлинной, вѣчной жизни. Основнымъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій служитъ не утвержденіе своего «я», не себялюбіе, а «любовь истины» (2 Солун. 2, 10), алканіе и жажданіе правды, какъ высшаго закона, которому въ жертву человѣкъ приноситъ свое личное саможалобіе. Христіанское міровоззрѣніе, такимъ образомъ, можетъ быть названо нравственнымъ по преимуществу, оно чуждо какихъ-либо постороннихъ (этеронимическихъ) примѣсей; основнымъ его положеніемъ должно служить признаніе тождества нравственного добра и счастья, святости и блаженства. Этотъ идеаль, по своей высотѣ и чистотѣ, конечно, находитъ себѣ полное сочувствіе въ совѣсти человѣка, въ «законѣ ума» (Римл. 7, 23); но «иной законъ», живущій въ нашей природѣ, всегда воюетъ противъ послѣдняго и потому на опытъ закономъ человѣческой жизни является эгоизмъ, себялюбіе. Основная же черта его—въ наклонности считать свое «я» средоточіемъ жизни, все же остальное—только средствомъ для угожденія этому «я». Смысль жизни, слѣдовательно, не въ «истинѣ», а въ счастьи, въ наслажденіи или довольствіи: нравственное совершенство теряетъ свой высшій (абсолютный) смыслъ и получаетъ для человѣка значеніе лишь средства къ удовольствію. Конечный выводъ изъ такого пониманія жизни, несомнѣнно, должно быть безбожіе, атеизмъ (на мѣсто Бога человѣкъ ставитъ себя, свою волю, угожденіе себѣ). Но такъ какъ отрицать Бога здравый умъ человѣка не можетъ и не найдетъ для этого вполне достаточныхъ основаній или, по крайней мѣрѣ, большинство эгоистовъ слишкомъ мелко душой, чтобы рискнуть отрицать Бога вполне сознательно и послѣдовательно; то, на практикѣ, признавая себя по-прежнему центромъ бытія, человѣкъ вынуждается признать зависимость своего благосостоянія отъ Бога. Необходимо, слѣдовательно, человѣку изъ своей воли что нибудь уступить и Богу, чтобы этой уступкой достигъ возможно большаго удовлетворенія себя. Выводомъ изъ эгоизма, такимъ образомъ, на практикѣ обыкновенно является уже не прямое отрицаніе Бога, а нѣкоторая какъ бы сдѣлка съ совѣстью: человѣкъ продолжаетъ жить собственно для себя, для земли и въ исполненіи своихъ желаній видитъ свое счастье, но необходимость заставляетъ его думать и о волѣ Божіей, и вотъ онъ, человѣкъ, представляетъ себя вступившимъ какъ бы въ договоръ съ Богомъ; за нѣкоторыя уступки Богъ обѣщаетъ человѣку вѣчное благополучіе. Законъ Божій становится тѣмъ, такъ сказать, документомъ, въ которомъ изложены условія этого договора. Испол-

неніе этихъ условій, т. е. святость есть та уступка Богу, которую вынуждается сдѣлать себялюбецъ ради обезпеченія своей конечной цѣли — наслажденія. Измѣненное пониманіе жизни, какъ не трудно видѣть, неизбѣжно приводитъ къ искаженію и понятія о Богѣ. вмѣсто Небеснаго Отца, края желаній, безъ Котораго жизнь пуста и безсмысленна и съ Которымъ никакое страданіе не тяжело, Богъ для эгоиста является лишь Всемогущимъ Владыкой міра, власти Котораго нельзя не подчиняться; но не будь Его, эгоисту жилось бы гораздо свободнѣе и легче. Точно также и добродѣтель, жизнь по любви настолько теряетъ связь съ душой эгоиста, настолько мало имѣетъ въ ней сроднаго себѣ, что становится для него непонятной, становится лишь внѣшнимъ принудительнымъ требованіемъ, которое объясняется лишь мало постижимымъ желаніемъ, почти капризомъ, Владыки міра. А такъ какъ грѣховное саможалѣніе очень близко природѣ человѣка, то при встрѣчѣ съ ученіемъ Христа и является для человѣка необходимость креста: «кто не возьметъ креста своего, не можетъ быть Моимъ ученикомъ» (Лук. 14, 27). Христіанство, какъ возстановленіе человѣческой природы, такимъ образомъ, съ необходимостью требуетъ отъ человѣка цѣложизненнаго подвига, самоотверженной и неустанной работы надъ своимъ спасеніемъ. Основаніе этого подвига, конечно, Христось, но лишь постольку, поскольку человѣкъ становится едино съ Нимъ въ Его крестѣ, потому что только чрезъ крестъ Христось приводитъ человѣка къ жизни. Поэтому, мы и можемъ требовать отъ каждаго учителя, чтобы онъ «исповѣдалъ Христа пришедшаго во плоти» (1 Иоан. 4, 2—3), т. е. уничиженнаго, пострадавшаго; потому что гдѣ нѣтъ креста, хотя бы и были видимые плоды христіанственности, тамъ нѣтъ христіанства, нѣтъ и начала истинной жизни.

Конечно, обыденный человѣкъ пугается этого тернистаго пути: немногіе входятъ тѣсными вратами (Мѡ. 7, 14); и всегда готовъ предпочесть идеаль прежній: не всецѣлое отреченіе себя ради Бога, а лишь договоръ съ Богомъ, уступку Богу лишь части. Вѣтхій Завѣтъ (по крайней мѣрѣ, въ народномъ, не пророческомъ его пониманіи), шель навстрѣчу этому настроенію и, посредствомъ закона и законническаго понятія жизни, хотѣлъ привести людей ко Христу. Было это настроеніе и въ церкви первыхъ вѣковъ, какъ осталось и теперь. Но примѣняясь къ этому настроенію во внѣшнемъ изложеніи своей проповѣди по своей экономіи, т. е. изъ желанія спасти и немощныхъ (это показываютъ юридическія мѣста св. Писанія и твореній свв. о.о.), Слово Божіе и церковь никогда, конечно, не забывали, что это лишь уступка немощамъ, и потому подлиннымъ церковнымъ ученіемъ всегда было и есть

ученіе чисто нравственное, чуждое всякаго эгоизма и законнической условности. Между тѣмъ западная церковь эту уступку немощамъ положила въ основу всего своего ученія, обработала послѣднее, примѣняясь къ пониженному настроенію человѣка. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, и заключается основная ложь католичества, вполне основательно объясняющая и всѣ его особенности.

Въ вопросѣ о высшемъ благѣ католичество стоитъ несомнѣнно на почвѣ описаннаго міровоззрѣнія человѣка невозрожденнаго, ветхозавѣтнаго. Для христіанина, по евангелію, вѣчная жизнь есть познаніе Бога (Іоан. 17, 3) и отсюда высшее благо — состоитъ въ святости, въ добрѣ; католикъ же цѣнитъ это познаніе Бога только постольку, поскольку оно доставитъ ему удовольствіе; вѣчная жизнь дорога для него потому, что она безпечальна. Благо въ собственномъ смыслѣ, по опредѣленію іезуита Катрейна, типичнаго представителя католической морали, есть блаженство, нравственное же добро есть благо только относительное, получающее значеніе блага только подъ условіемъ доставленія блага собственнаго. Христось сказалъ: «ищите прежде царствія Божія и правды его», а потомъ уже думайте объ удовлетвореніи различныхъ запросовъ своего «я»; католикъ же это удовлетвореніе и ставитъ во главу, въ послѣднюю цѣль жизни, царствіе же Божіе само по себѣ для него безразлично и не интересно («вы ищете меня потому, что ѣли хлѣбъ и насытились», Іоан. 6, 26); оно лишь одно изъ многихъ средствъ къ этому удовлетворенію. Человѣкъ, правда, теперь принужденъ пользоваться этимъ средствомъ за немнѣнимъ лучшимъ; но готовъ оставить его и взять болѣе подходящее и болѣе пріятное, если бы такое ему предложили. Но подобное отношеніе къ царствію Божію служить уже показателемъ отчужденія человѣка отъ этого царствія и всего вообще нравственнаго міропорядка. Вмѣсто того, чтобы быть сродной стихіей, царствіе Божіе становится для человѣка чѣмъ-то вѣшнимъ, почти чуждымъ, во всякомъ случаѣ несроднымъ, и отсюда лишь вѣшне даннымъ, не во внутреннемъ его опытѣ. При невозможности же повѣрки посредствомъ вѣшнихъ чувствъ, человѣкъ въ это вѣшнее, чуждое ему и недоступное царствіе вѣровать не можетъ, вѣровать той внутренней, сердечной и живой вѣрой, которая одна спасаетъ, и потому долженъ искать себѣ вѣшной опоры, вѣшняго доказательства. Здѣсь источникъ того раціонализма, который указываютъ въ католичествѣ славянофилы, и того стремленія къ вѣшной гарантіи спасенія, чѣмъ характеризуютъ католичество протестанты. Потерявъ духовный разумъ, пониманіе внутренней красоты царствія Божія, человѣкъ поставилъ послѣднее на службу своему маленькому «я», превратилъ въ средство къ своему благо-

получію. Но, живя въ земной средѣ, человѣкъ и благополучіе свое представляетъ только въ земной, чувственной обстановкѣ: для иного представленія его мышленіе не имѣетъ матеріала. Поэтому и всѣ служебныя силы, способствующія этому благополучію, естественно принимаютъ въ представленіи человѣка, характеръ явленій тоже земныхъ, чувственныхъ, а многія и прямо материализуются. Правы въ извѣстной степени тѣ, которые различали въ католичествѣ внѣшнее матеріалистическое воззрѣніе на христіанство. Царство небесное становится для человѣка чувственной, можно сказать, пространственной средой, гдѣ ему предстоитъ существовать приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ, что и на землѣ, только въ полной свободѣ отъ всякихъ несчастій, непріятныхъ ограниченій и пр. Отсюда происходятъ тѣ низменные представленія о раѣ и адѣ до самыхъ вульгарныхъ, включительно. Такимъ образомъ, католикъ приходитъ къ искаженію самого основного христіанскаго понятія, понятія о спасеніи. Если для христіанина высшее благо въ добродѣтели и высшее зло въ грѣхѣхъ, тогда и въ понятіи о спасеніи на первый планъ выступаетъ сторона нравственная: спасеніе отъ работы грѣху, спасеніе людей «отъ грѣхъ ихъ» (Мѡ. 1, 21). Но въ такомъ случаѣ между вѣчной жизнью и земнымъ добродѣланіемъ существуетъ прямая связь, послѣднее является зародышемъ, предначинаніемъ первой, ея естественнымъ основаніемъ; и потому спасеніе представляется постепеннымъ поступательнымъ развитіемъ человѣка въ добръ, раскрытіемъ дарованнаго ему начала духовной жизни. Съ потерей внутренней связи между благомъ и добромъ, теряется связь и между земной и вѣчной жизнью, и въ спасеніи на первый планъ выступаетъ уже не нравственная, а опять-таки внѣшняя, почти пространственная сторона: спасеніе понимается или внѣшнимъ судебнымъ актомъ присужденія человѣку права на вѣчное блаженство, или же просто механической перестановкой человѣка изъ одной жизни — земной, въ другую — загробную. Подвиги земной жизни становятся только внѣшнимъ основаніемъ для предоставленія человѣку права и за гробомъ продолжать жить для себя, какъ это онъ дѣлалъ въ здѣшней жизни. Вѣчная участь не плодъ, произрастающій изъ того, къ чему человѣкъ себя приготовилъ, пріучилъ на землѣ, а внѣшняя награда, даруемая со внѣ.

Утративъ нравственный смыслъ въ основномъ христіанскомъ понятіи, католикъ постепенно лишаетъ того же смысла и свои понятія о Богѣ, о Христѣ, о церкви, какъ обществѣ спасенныхъ и какъ единствѣ спасаемыхъ, о благодати и пр. Всѣ эти высочайшіе предметы вѣры естественно сходятъ въ его представленіи на степень лишь служебныхъ силъ, способствующихъ благополучію и

вмѣстѣ съ нимъ матеріализуются. Богъ для человѣка съ такимъ настроеніемъ перестаетъ быть центромъ бытія (центромъ бытія для человѣка служитъ его собственное «я»). Онъ относится человѣкомъ въ разрядъ остальныхъ существъ, условно существующихъ и занимающихъ человѣка только своей полезностью, и, вмѣстѣ со всѣми этими существами, необходимо пріобрѣтаетъ ихъ обыденность, мелочность, конечность. Отсюда—крайній антропоморфизмъ, лишаящій понятіе о Богѣ его возвышенности, безконечности.

Рядомъ съ такимъ представленіемъ о Богѣ могла свободно ужиться вся та чувственная обстановка, которую католикъ перенесъ въ загробную жизнь. Члены церкви торжествующей становятся патронами городовъ или отдѣльныхъ личностей, при чемъ патронатство это обусловлено отнюдь не вѣрностью человѣка закону Божию и евангелію, а лишь усердіемъ его въ служеніи своему патрону, иногда даже вопреки евангелію. Дорогое для всякаго христіанина молитвенное общеніе со святыми и ихъ помощь въ совмѣстномъ стремленіи къ высшему званію, для католика превращается во что то очень низменное. Съ одной стороны, это банкирскій переводъ съ одного лица на другое; а съ другой—что-то очень близкое къ обычной въ мірскихъ дѣлахъ протекціи. Самъ живя для себя, человѣкъ и въ небожителяхъ не можетъ представить другого начала дѣйствій кромѣ самолюбія: угодника Божія какъ-будто радуется невѣрность человѣка Богу, лишь бы онъ угождалъ самому угоднику, радуется какъ бы подслуживаніе.

Средоточіемъ духовной жизни въ церкви служитъ несомнѣнно Спаситель; таковымъ онъ остается и для католика. Но наклонность цѣнить лица и событія съ точки зрѣнія лишь собственной выгоды сказалась въ католичествѣ въ видѣ грубой теоріи Ансельма Кэнтербюрійскаго, превратившей Христа лишь во внѣшнее средство утоленія Божественнаго гнѣва, а отсюда повела къ тому, можно сказать, анатомически-подробному различенію въ человѣческомъ естествѣ Спасителя частей, наиболѣе послужившихъ нашему спасенію. Примѣрами этого могутъ служить культъ Тѣла Христова, занимающій въ богослужебной практикѣ латинства такое выдающееся положеніе, въ особенности же культъ Сердца Иисусова, и под.

Съ наибольшею же очевидностью обнаруживаетъ себя католическое настроеніе въ ученіи о благодати. Позабывая, что благодать есть непосредственная помощь Бога человѣку въ духовной жизни, помощь, предполагающая, поэтому, прямое участіе Бога и общеніе Его съ человѣкомъ, католикъ отдѣляетъ благодать отъ Бога, понимаетъ ее въ видѣ нѣкоторой матеріальной силы, дѣйствующей механически на природу чело-

вѣка, въ родѣ электричества или магнетизма. Богъ, Христосъ, Духъ Св. сами по себѣ не нужны и не дороги для человѣка, ему нужна только польза, какую Они ему могутъ принести. И вотъ, получивъ нужную ему Ихъ силу, которую онъ можетъ эксплуатировать посредствомъ извѣстныхъ механическихъ приспособленій, человѣкъ самый источникъ благодати оставляетъ въ сторонѣ, сосредоточивая свое вниманіе только на томъ, что для него непосредственно нужно: на служебной силѣ, которую онъ при этомъ до крайности долженъ матеріализовать. Отсюда одинъ шагъ къ католическому *opus operatum*, магическому дѣйствию таинствъ даже безсознательно.

Наконецъ, и сама церковь, въ которой истинный христіанинъ живетъ, предначиная свое вѣчное блаженство и въ которой онъ находитъ истину, для католика теряетъ внутреннюю цѣну, становится для него лишь внѣшнимъ явленіемъ, нѣкоторымъ арсеналомъ съ различными приспособленіями для спасенія. Но къ этому арсеналу человѣкъ принадлежитъ душой не можетъ, а только пользуется имъ. Поэтому церковь ограничивается для него лицами, служащими въ церкви, іерархіей. Всякое средство, конечно, тѣмъ дѣйствительнѣе и надежнѣе, чѣмъ менѣе въ своемъ дѣйствіи оно зависитъ отъ случайныхъ причинъ, отъ личнаго настроенія и под. Необходимо, слѣдовательно, и церковь какъ можно болѣе механизировать. Эта потребность и заставляеть католика мириться съ слѣпымъ послушаніемъ авторитету іерархіи, до принятія папской непогрѣшимости. Далѣе, какъ учрежденіе независимое и постороннее по отношенію къ личности вѣрующаго, церковь, подобно римскому государству, получаетъ цѣль въ самой себѣ и начинаетъ развиваться въ этомъ направленіи, постепенно утончая и совершенствуя свою организацію. И подобно тому, какъ благодать Божія, занимающая человѣка исключительно со стороны своей служебности, отдѣляется имъ отъ своего источника—Бога и матеріализуется, такъ и церковь, въ качествѣ свидѣтельницы истины, постепенно отдѣляется отъ источника истины—Христа, и получаетъ авторитетъ рядомъ съ Нимъ и почти противъ Него. Признаніе догматическаго развитія церкви является прямымъ слѣдствіемъ изъ такого искаженнаго о ней представленія. Такимъ образомъ, человѣкъ въ концѣ концовъ становится безгласнымъ рабомъ того чуднаго механизма, который самъ же онъ придумалъ на службу себѣ и долженъ молча сносить даже прямые злоупотребленія лицъ, владѣющихъ этимъ механизмомъ, чтобы самому не лишиться столь полезной его помощи.

Но добро (святость) не только теряет всякій положительный смысл для эгоиста, не только становится безразличнымъ съ точки зрѣнія своего содержанія: добро прямо противно, бессмысленно для эгоиста, какъ только можетъ быть противно и бессмысленно требованіе самоотверженной любви самолюбію. А такъ какъ сознаніе неизбѣжности идти путемъ добродѣтели (потому что иначе грозитъ вѣчная погибель) всегда присуще эгоисту (желающему остаться христіаниномъ), то добро, и съ нимъ все царство Божіе представляется ему чѣмъ-то враждебнымъ, наступательно дѣйствующимъ противъ его саможалѣнія. Изъ наемника, ищущаго своей выгоды, человѣкъ превращается въ подневольнаго раба, загоняемаго на путь добродѣтели бичемъ и, конечно, въ душѣ ненавидящаго этотъ путь. Прекрасно выражена эта черта католичества въ слѣдующихъ словахъ проф. Н. Я. Бѣляева: «Особенность католическаго воззрѣнія заключается въ томъ, что, усвоивъ добрымъ дѣламъ характеръ удовлетворенія, оно приписываетъ имъ въ то же время характеръ самонаказанія. Правосудіе Божіе удовлетворяется-де въ одинаковой степени, потерпѣть-ли человѣкъ какое-либо временное бѣдствіе по суду самого Промысла, приметъ-ли эпитимію отъ церкви, или же наложить самъ на себя какое-либо наказаніе. Подвергнуть же себя самонаказанію значитъ вступить въ борьбу со своими страстями и наложить на себя какіе-либо подвиги. Заставляя, такимъ образомъ, смотрѣть на добродѣтель, какъ на самонаказаніе, католическая теорія этимъ самымъ унижаетъ ее. Кромѣ того, добродѣтель перестаетъ быть здѣсь выраженіемъ и проявленіемъ той жажды къ добру, которая свойственна только сердцу, согрѣтому любовію къ Богу. Напротивъ, христіанскіе подвиги принимаютъ въ католицизмѣ характеръ рабскаго труда, къ которому человѣкъ обращается вынужденно, вслѣдствіе глубокаго потрясенія мыслию о грядущихъ карахъ Бога мстителя, къ которому обращается человѣкъ за тѣмъ, чтобы утолить гнѣвъ грознаго Бога» (113). Отвращеніе отъ царства Божія ведетъ неминуемо и къ самому грубому искаженію и понятія о Богѣ. Если въ качествѣ служебной силы или средства, понятіе о Богѣ унижалось до антропоморфизма (уподобленія человѣку), то теперь человѣкъ начинаетъ смотрѣть на Бога, какъ на враждебнаго ему и во всякомъ случаѣ не дружественнаго Властителя, Который не любитъ миловать и только за должную плату не присуждаетъ человѣку вѣчной погибели. Выраженіемъ такого представленія о Богѣ служить знаменитая католическая теорія сатисфакціи (ученіе о чистилищѣ, объ эпитиміяхъ и пр. т. п.). Въ основѣ этой теоріи лежитъ, вполне понятное въ католикѣ представленіе правды Божіей, какъ постоянной потребности въ удовлетвореніи нарушенныхъ Своихъ интересовъ. Конечно, та-

кого грозного и враждебного Властителя человек не может любить и не может Ему доверять, отсюда и отношенія его къ Богу теряють характеръ правственнаго союза, основаннаго на взаимномъ доврїи и любви, и превращается въ юридическій договоръ, въ которомъ взаимная вѣрность сторонъ обеспечивается принудительнымъ обязательствомъ, или, въ лучшемъ случаѣ, взаимной ихъ выгодой. Позабывая основной принципъ христіанскаго отношенія къ Богу («посредника при одномъ не бываетъ, а Богъ единъ», Гал. 3, 20), католикъ ищетъ въ своемъ союзѣ съ Богомъ чего-нибудь третьяго, посредствующаго, что бы заставляло Бога исполнить обѣщанное человеку. Такимъ третьимъ является смерть Христа, понимаемая грубо юридически въ смыслѣ компенсаціи за нарушенные интересы Бога-Властителя. Но слово Божіе и преданіе требуютъ отъ человека кромѣ того и самостоятельнаго подвига: не желая становиться въ противорѣчіе принятому христіанству и въ то же время утративъ его внутренней смыслъ, католикъ и этотъ подвигъ относить къ разряду юридическихъ основанийъ вѣчнаго спасенія. Получается неразрѣшимая дилемма: если Христова заслуга все покрываетъ, зачѣмъ тогда еще требуютъ отъ насъ заслуги? Эта дилемма заставляетъ западныхъ исповѣданій безпомощно прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ въ теорїи и практикѣ, и составляетъ основную болѣзнь западной богословской науки.

Въ признанїи за добрыми дѣлами человека характера заслуги весьма многіе видятъ доказательство зависимости католичества отъ пелагианства: католики, говорятъ, преувеличили силы падшей природы человека, подобно пелагианамъ, и потому надѣются спастись заслугами своими. Но, не говоря уже о томъ, что католиками не отрицается ни благодать, ни внѣшнее удовлетвореніе правдѣ Божіей смертью Иисуса Христа, пелагианство, какъ отвлеченное и давно на практикѣ забытое ученіе, не можетъ имѣть вліянія на народъ. Понятіе о заслугѣ объясняется проще и прямѣе причинами внутренними, душевными, именно указаннымъ отращеніемъ человека отъ добродѣтели. Жертвы, которыя приходится человеку приносить въ пользу закона Божія, всегда кажутся его саможалѣнію особенно чувствительными и потому въ его глазахъ онѣ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, цѣнны. Эту свою личную, внутреннюю переоцѣнку человекъ вполне естественно стремится представить общепризнанной; требуетъ, чтобы и Богъ согласился съ ней; отсюда понятіе о заслугѣ (а потомъ и о сверхдолжной). Не потому—заслуга, что подвигъ, совершенный силами человека, дѣйствительно, великъ, а потому, что онъ очень дорогъ для человека, (для его саможалѣнія). Понятіе же о сверхдолжной заслугѣ опи-

рается на другое свойство подневольнаго добродѣланія: на стремленіе сократить заданный урокъ. Юридическое жизнеописаніе тѣмъ особенно опасно, что оно даетъ человѣку возможность считать себя христіаниномъ, исполняя одну только формальную сторону, не принадлежа Богу всей душой. Рабски настроенный человѣкъ спѣшитъ извлечь изъ этой возможности всю выгоду. Подобно всякому рабу, склонному обмануть своего господина, человѣкъ приходитъ къ мысли и въ договорѣ съ Богомъ ограничиться одной только внѣшностью, формальностью, исполнить законъ Божій, не принося особенно чувствительныхъ жертвъ съ своей стороны. Такъ въ притчѣ о талантахъ лѣнивый рабъ отъ мысли о чрезмѣрной строгости Владыки (мысли, внушенной ему именно отвращеніемъ къ добру) приходитъ къ рѣшенію сократить до минимума свой трудъ. Такъ и католикъ, потерявъ внутреннюю связь съ царствомъ добра, придумалъ свою страшную теорію сатисфакціи, но рядомъ съ ней и въ видимомъ противорѣчьи съ ученіемъ о заслугахъ, началъ придумывать для себя всевозможныя уловки и приспособленія, чтобы какъ-нибудь успокоить мятущуюся совѣсть и въ то же время освободить себя отъ слишкомъ чувствительныхъ жертвъ. Матеріалистическое представленіе духовной жизни, какъ цельзя болѣе, этому способствуетъ. И вотъ вмѣсто глубоко-внутренняго нравственнаго переворота, которымъ совершается обновленіе человѣка и который требуетъ цѣложизненнаго напряженія, креста, въ католичествѣ мы находимъ *infusio gratiae*, влптіе благодати, почти магическое превращеніе души человѣка, который самъ какъ бы и не замѣчаетъ, какъ его дѣлаютъ изъ злого добрымъ. Страшное на первый взглядъ требованіе удовлетворенія съ удобствомъ устраняется возможностью воспользоваться трудами другихъ (сокровищница заслугъ святыхъ, индульгенціи, мессы и пр. и пр.). Въ концѣ концовъ не пужно ни особыхъ трудовъ, ни страданій: стоитъ только не противорѣчить церкви, пассивно быть безразличнымъ ко всему, что она дѣлаетъ съ человѣкомъ и съ христіанствомъ, и эта церковь съ избыткомъ восполнитъ всѣ недостатки человѣка. Христосъ требовалъ, чтобы человѣкъ несъ самъ свой крестъ, а католическая церковь услужливо освобождаетъ отъ этого.

Характеризуя католичество, какъ такую сдѣлку между христіанствомъ и самолюбіемъ, какъ поблажку нравственной лѣни, мы можемъ встрѣтиться съ большимъ недоумѣніемъ. Обыкновенно, въ католичествѣ видятъ превознесеніе человѣческой заслуги, требованіе дѣлъ, внѣшнихъ подвиговъ, въ противоположность пассивному теоретическому усвоенію спасенія въ протестантствѣ. Потому и высокое развитіе въ католичествѣ разныхъ благотворительныхъ

и др. служеній, міссіонерства, вообще обиліе «дѣлъ» можетъ идти прямо противъ нашей характеристики. Но какъ бы ни были многочисленны эти «дѣла», они объясняются просто тѣмъ, что католичество есть всетаки христіанство; что многіе члены его не пользуются тѣми изытїями, тѣми поблажками, какія имъ предлагаются. Взятое же само по себѣ католичество, несомнѣнно, приспособлено именно къ такому пониженному настроенію и располагаетъ своего послѣдователя не нести креста, и въ этомъ его основное заблужденіе, основной обманъ, которымъ оно прельщаетъ человѣчество.

Архіепископъ Сергій.

О ПАСТЫРСТВѢ.

(Мысли изъ дневника о. Іоанна Кронштадтскаго).

Часть II.

Непрестанное возгрѣваніе даровъ священства.

«*Духа не угашайте*», говоритъ Слово Божіе (1 Сол. 5, 19).
Помни это всякій христіанинъ, особенно священникъ и наставникъ дѣтей.

---

1. Духовное бодрствование.

Внимай себѣ непрестанно, чтобы не изсякла въ тебѣ духовная жизнь, духовное мудрованіе. Размышляй чаще о всемъ томъ, что читаешь или поешь или слушаешь въ церкви или иногда на дому. Живи жизнью святыхъ, молитвою, мудрованіемъ ихъ, добродѣтелями ихъ... *Да будутъ чресла твои препоясаны и свѣтильникъ горящій* (Лк. 12, 35).

Слѣди за твоимъ сердцемъ всю жизнь и присматривайся и прислушивайся къ нему, что препятствуетъ къ соединенію его съ всеблаженнымъ Богомъ? Это да будетъ наука наукъ, и ты при помощи Божіей легко можешь замѣчать, что тебя отдаляетъ отъ Бога и что приближаетъ къ Нему, соединяетъ съ Нимъ. Объ этомъ сказываетъ самое сердце, то соединяющееся съ Богомъ, то отторгаемое отъ Него. Больше всего лукавый стоитъ между нашимъ сердцемъ и Богомъ: онъ то отдаляетъ отъ насъ Бога разными страстями или похотію плоти, похотію очесъ и гордостію житейскою.

Если не возгрѣвать въ сердцѣ теплоты вѣры, то можетъ отъ перадѣнія совѣмъ погаснуть въ насъ вѣра; можетъ какъ бы совѣмъ помереть въ насъ христіанство со всѣми его таинствами.

У людей, старающихся проводить духовную жизнь, бываетъ самая тонкая и самая трудная война чрезъ помыслы каждое мгновѣніе жизни—война духовная; надобно каждое мгновѣніе всему быть окомъ свѣтлымъ, чтобы замѣчать втекающіе въ душу помыслы отъ лукаваго и отражать ихъ, сердце свое такіе люди должны имѣть всегда горящимъ вѣрою, смиреніемъ, любовію: въ противномъ случаѣ въ немъ поселится легко лукавство діавольское, за лукавствомъ маловѣріе или невѣріе, а затѣмъ и всякое зло, отъ котораго скоро не отмоешься и слезами. Потому не допусти, чтобы сердце твое было холоднымъ, особенно во время молитвы, избѣгай всячески холоднаго равнодушія. Весьма часто бываетъ, что на устахъ—молитва, а въ сердцѣ—лукавое маловѣріе или невѣріе, устами какъ будто близко къ человѣку къ Господу, а сердцемъ далеко. А во время молитвы лукавый всѣ мѣры употребляетъ къ тому, чтобы охладить и излукавить наше сердце самымъ незамѣтнымъ для насъ образомъ. Молись, да и крѣпись, сердце свое крѣпи.

Имѣя Христа въ сердцѣ, бояся, какъ бы не потерять Его, а съ Нимъ и покоя сердечнаго; горько начинать снова; усилія прилѣпиться къ Нему снова по отпаденіи будутъ тяжки и многимъ будутъ стоять горькихъ слезъ. Держись всѣми силами за Христа, приобрѣтай Его и не теряй святаго дерзновенія предъ Нимъ.

Когда бываешь очень молодъ или живешь жизнію міра грѣшнаго, тогда знаешь и Христа Спасителя, и врага Божьяго и челоувѣческаго, сатану всезlobнаго, только по одному имени, и думаешь, что Христосъ отъ тебя далеко на небѣ, а діаволь гдѣ-нибудь есть, только никакъ не близко, не около тебя; и хотя слышишь, что онъ золь, но думаешь, что злость его до тебя не касается. Но когда будешь въ зрѣлыхъ лѣтахъ и вступишь въ жизнь подвижническую, когда будешь служить Богу чистою совѣстію, тогда испытаешь въ сердцѣ и благое иго Спасителя, и тяжелое несносное иго сатаны, который нещадно оскорбляетъ насъ.

Въ обыкновенныхъ познаніяхъ человѣческихъ—узналъ хорошо какой-либо предметъ, и часто на всю жизнь знаешь его хорошо, безъ помраченія познанія о немъ. А въ вѣрѣ не такъ; разъ позналъ, ощутилъ, осязалъ, думаешь: всегда такъ будетъ ясенъ, осязателенъ, любимъ предметъ вѣры для души моей; но нѣтъ: тысячу разъ онъ будетъ потемнѣть для тебя, и что ты прежде любилъ, чѣмъ жилъ и дышалъ, къ тому по временамъ будешь чувствовать совершенное равнодушіе; и надо иногда воздыханіемъ и слезами прочищать себѣ дорогу, чтобы увидѣть его, схватить и обнять сердцемъ. Это отъ грѣха.

---

2. О понужденіи себя къ добру.

Царство небесное, сказано, *нудится и нуждицы восхитаютъ е* (Мѡ. 11, 12). Поэтому нужно постоянно принуждать себя къ истинѣ и добру.

Не тогда только дѣлай дѣло, когда хочется, но особенно тогда, когда не хочется. Это разумѣй, какъ о всякомъ обыкновенномъ житейскомъ дѣлѣ, такъ особенно о дѣлѣ спасенія души своей, о молитвѣ, о чтеніи слова Божія и книгъ душеспасительныхъ, о хожденіи къ службамъ Божиимъ, о добрыхъ дѣлахъ, какія бы они ни были, о проповѣдничествѣ слова Божія. Не повинуйся лѣнливой, лукавой и многогрѣшной плоти: она готова вѣчно покоиться и чрезъ временное спокойствіе и наслажденіе вести васъ къ вѣчной гибели. *Вз потъ лица твоего*, сказано, *сыси хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19). *Данный тебѣ талантъ трудолюбно дѣлай окаянная душа*, поетъ Церковь. *Царствіе небесное силою берется и употребляюще усиліе приобряютъ его*, говоритъ Господь и Спаситель нашъ.

И душевныя и тѣлесныя силы человѣка совершенствуются, умножаются и укрѣпляются упражненіемъ ихъ. Упражняй руку часто въ письмѣ, въ шитьѣ, въ вязаньѣ, набьешь, какъ говорятъ, руку: хорошо будешь писать, шить, вязать; упражняйся чаще въ сочиненіи, будешь сочинять легко, и хорошо; упражняйся въ дѣланіи добрыхъ дѣлъ или въ побѣжденіи страстей и искушеній, и дѣла добродѣтели будешь со временемъ дѣлать легко и сладостно, будешь побѣждать страсти удобно при помощи вседѣйствующей благодати Божіей. Но не стань писать, шить, вязать, или пиши,

шей, вяжи рѣдко, будешь дурно писать, шить, вязать; не сочиняй ничего или сочиняй очень рѣдко, живи въ однѣхъ матеріальныхъ заботахъ жизни,—и, пожалуй, нѣсколько словъ связать будетъ трудно, особенно о чемъ-либо духовномъ: заданное сочиненіе будетъ египетской работой; не стань молиться или молись рѣдко,—тебѣ и противна и тяжела будетъ молитва, какъ пятипудовая тяжесть; не стань воевать на страсти или воюй только изрѣдка и слабо,—и очень трудно будетъ бороться съ ними, будешь часто побѣждаемъ отъ нихъ; не будешь имѣть отъ нихъ покоя и жизнь свою отравишь ими, не научившись побѣждать этихъ домашнихъ, злѣйшихъ, внутреннихъ, всегда въ твоёмъ сердцѣ сидящихъ враговъ твоихъ. Такъ всѣмъ необходимъ трудъ и дѣятельность: жизнь безъ дѣятельности и не есть жизнь, а что-то уродливое, какой-то призракъ жизни. Потому борьба съ лѣнностью плоти постоянная, упорная, есть долгъ всякаго человѣка; сохрани Богъ отъ потворства ей всякаго христіанина. *Иже Христови суть, лѣнливую, злую, грѣхлюбивую плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). *Имущеу вездѣ дано будетъ и преизбудетъ, отъ неимущаго же и еже мнится имѣти, взято будетъ* (Мѣ. 25, 29).

Кто не собираетъ со Мною, говоритъ Господь, *тотъ расточаетъ* (Лук. 11, 23). Надо подвигаться впередъ въ духовной жизни, восходить все выше и выше; увеличивать болѣе и болѣе запасъ добрыхъ дѣлъ; если же мы стоимъ на одной точкѣ нравственнаго совершенства, на одной ступени лѣстницы христіанскаго восхожденія, то все равно, что идемъ назадъ; если не собираемъ, то все равно, что расточаемъ.

---

3. Необходимость молитвы и чтенія Слова Божія.

Люди впали въ безвѣріе отъ того, что потеряли совершенно духъ молитвы или вовсе не имѣли и не имѣютъ его, короче—отъ того, что не молятся. Князю вѣка сего просторъ для дѣйствія въ сердцахъ такихъ людей: онъ господинъ въ нихъ. Молитвою они не испрашивали и не испрашиваютъ у Господа росы благодати Божіей (а только просящимъ и имущимъ подаются дары Господни), и вотъ сердца, испорченныя по природѣ, безъ живой росы Духа Святаго пересохли и отъ крайней сухоты, наконецъ, запылали адскимъ пламенемъ невѣрія и различныхъ страстей, а дьяволъ знаетъ только воспламеняетъ страсти, поддержи-

вающія этотъ ужасный огонь, и торжествуетъ при видѣ погибели несчастныхъ душъ, искушенныхъ кровію Того, Кто поправилъ его державу.

Молиться нужно для постоянной и твердой увѣренности сердца, что все—и души, и тѣла наши съ ихъ благосостояніемъ и неблагосостояніемъ, и все имѣніе наше, и всѣ обстоятельства жизни,—мы имѣемъ отъ Бога, отъ державы Его, а не отъ природы, не отъ случая, не отъ себя. Не стань молиться Богу,—и скоро забудешь сердцемъ Благодѣтеля, Творца и Господа своего, а съ забвеніемъ Его впадешь во всякое зло. Итакъ, видишь, что только молитва приноситъ тебѣ существенную пользу.

Священнику нужно самому испытать и силу вѣры, и сладость молитвы, и оставленіе грѣховъ, и то, когда она бываетъ безуспѣшна, и скорби душевныя, когда онѣ постигаютъ, и утѣшенія благодатныя, чтобы въ молитвѣ къ Богу о вѣрующихъ говорить такъ: даруй имъ такое же благо, какъ даруешь всегда Ты его мнѣ недостойному, чтобы обо всемъ просить съ собственнаго опыта.

Гдѣ теперь чтеніе въ домахъ богодухновенной Псалтири, внушающей такую великую вѣру въ Бога, такое крѣпкое упованіе на Бога въ напастяхъ, въ болѣзняхъ, въ бѣдахъ и скорбяхъ, и такую пламенную любовь къ Богу? Гдѣ чтеніе богодухновенныхъ псалмовъ, которое было любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, не простыхъ только, но бояръ и самихъ князей? Нѣтъ его: зато нѣтъ во многихъ вѣры, упованія христіанскаго и любви къ Богу и ближнему, а есть безвѣріе, отчаяніе, ненависть. Нѣтъ пламенной молитвы, нѣтъ чистоты нравовъ, нѣтъ духа сокрушенія о грѣхахъ и умиленія, нѣтъ правды, мира и радости о Духѣ Святѣ. Большинство христіанъ проникнуты духомъ міра, духомъ журналовъ, газетъ и вообще свѣтскихъ писателей, кои сами проникнуты въ свою очередь духомъ языческимъ, а не христіанскимъ, духомъ отрицанія богодухновенности Св. Писанія и превозношенія самихъ себя, своего гордаго и напыщеннаго разума, духомъ житейской суеты.

Если читаешь свѣтскіе журналы и газеты, извлекая изъ нихъ полезное для себя, какъ для гражданина и христіанина и семьянина, то наипаче и наипаче читай Евангеліе и писанія св. отцевъ; ибо грѣшно христіанину, читая свѣтскія сочиненія, не читать богодухновенныхъ писаній. Ты слѣдишь за событіями во ви́шнемъ мірѣ, не упускай же изъ виду и твоего внутренняго міра, твоей души: она ближе къ тебѣ и дороже тебѣ. Читать только газеты и журналы—значить жить только одною стороною души, а не всей душой, или жить только по плоти, а не по духу. Все мірское съ міромъ и кончится. *И міръ преходитъ и похоть его, всѣ его затѣи, а творяй волю Божію пребываетъ во вѣкъ* (1 Іоан. 11, 17).

Нечитающимъ Евангелія. Чисты ли вы, святы ли и совершенны, не читая Евангелія, и вамъ не надо смотрѣть въ это зеркало? Или вы очень безобразны душевно и боитесь вашего безобразія? *Приступите къ Нему и просвѣтитесь, и лица ваша не постыдятся* (Псал. 33, 6, 5).

При чтеніи извѣстныхъ истинъ не говори: это не новое, это я знаю, это я также сказалъ.

---

4. Совѣты о молитвенномъ правилѣ.

Говорять: нѣтъ охоты, такъ не молись. Лукавое мудрованіе. плотское: не стань только молиться, такъ и совсѣмъ отстанешь отъ молитвы; плоть того и хочетъ. *Царствіе Божіе нудится; безъ самопринужденія не спасешься.*

Не жалѣй себя для сердечной молитвы, даже тогда, когда ты весь день провелъ въ трудахъ. Не вознеради нимало на св. молитвѣ, всю скажи Господу отъ сердца, виждь, она—дѣло Божіе. Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ; *возложи вѣ руку на рало, не зри вснѣать*. Допустивши молитву нерадивую, не отъ всего сердца, не заснешь (если на ночь молитвы), пока не выплачешь своего грѣха предъ Богомъ. Не со всѣми это бываетъ, а съ усовершившимися. Смотри же, выше Бога плоти своей не

ставь, а пренебреги для Него и покоемъ тѣлеснымъ. Какое молитвенное правило взялся исполнить (если длинное молитвенное правило, то исполняй хорошо все правило; если короткое—тоже), исполни его со всею добросовѣстностью, и не исполняй дѣла Божія сердцемъ раздвоеннымъ, такъ чтобы одна половина принадлежала Богу, а другая плоти твоей. Ревность Господа Бога не потерпитъ твоего лукавства, твоего самосожалѣнія. Предать Онъ тебя діаволу, и діаволъ не дастъ покоя сердцу твоему за пренебреженіе къ Тому, Кто есть истинный покой твоего сердца и Кто будетъ всегда дѣлать это для твоей же пользы, для того, чтобы удержать твое сердце въ близости къ Богу, потому что каждая не искренняя молитва удаляетъ сердце отъ Бога и вооружаетъ его на самого человѣка, и, напротивъ, каждая искренняя молитва приближаетъ сердце человѣческое къ Богу и дѣлаетъ его приснымъ Богу. Итакъ вѣрь слову: поторопиться на молитвѣ для покоя тѣлеснаго, чтобы отдохнуть поскорѣе, а потеряешь и тѣлесный покой и душевный. Ахъ! какими трудами, потомъ и слезами достигается приближеніе сердца къ Богу; и неужели мы опять будемъ самую молитву свою (небрежную) дѣлать средствомъ удаленія отъ Бога, и Богъ ли не возревнуетъ объ этомъ? Вѣдь Ему жаль и насъ, и нашихъ трудовъ прежнихъ: и вотъ Онъ хочетъ заставитьъ насъ непременно обратиться къ Нему опять отъ всего сердца. Онъ хочетъ, чтобы мы всегда принадлежали Ему.

Когда совершаешь молитву, правило, особенно по книгѣ, не спиши отъ слова къ слову, не прочувствовавши его истины, не положивши его на сердце, но сдѣлай и постоянно себѣ дѣлай трудъ чувствовать сердцемъ истину того, что говоришь; сердце твое будетъ противиться этому—иногда лѣнностью и окамененнымъ нечувствіемъ къ тому, что читаешь, иногда сомнѣніемъ и невѣріемъ, какимъ-то внутреннимъ огнемъ и тѣснотою, иногда разсѣянностью и уклоненіемъ къ какимъ либо земнымъ предметамъ и попеченіямъ, иногда припамятованіемъ обиды отъ ближняго и чувствомъ мщенія и ненависти къ нему, иногда представленіемъ удовольствій свѣта, или представленіемъ удовольствія отъ чтенія романовъ и вообще свѣтскихъ книгъ,—не будь самолюбивъ, побѣждай сердце твое, дай его Богу въ жертву благоприятную: *даждь ми, сыне, твое сердце* (Притч. 23, 26),—и твоя молитва сроднитъ, соединитъ тебя съ Богомъ и со всѣмъ небомъ, и ты исполнишься Духомъ и плодами Его: правдою, миромъ и радостію, любовію, кротостію, долготерпѣніемъ, сердечнымъ умиленіемъ. Тебѣ хочется скоро кончить молитвенное правило, чтобы

дать покой утомленному тѣлу? Сердечно помолись, и заснешь самымъ спокойнымъ, тихимъ и здоровымъ сномъ. Не поторопись же помолиться кое-какъ: выиграешь на полчаса молитвы цѣлыхъ три часа самага здороваго сна. На службу или на работу торопишься? Вставай раньше, не просыпай, и помолись усердно, — стяжешь спокойствіе, энергію и успѣхъ въ дѣлахъ на цѣлый день. Рвется сердце къ дѣламъ житейской суеты? Преломи его; пусть будетъ сокровищемъ его не суета земная, а Богъ: научи сердце свое болѣе всего прилѣпляться чрезъ молитву къ Богу, а не къ суетѣ міра, да не посрамишия во дни болѣзни твоей и въ часъ смерти твоей, какъ богатый суетою міра и бѣдный вѣрою, надеждою и любовію. Если не будешь такъ молиться, какъ я сказалъ, то не будетъ у тебя преуспѣянія житія и вѣры и разума духовнаго.

Никогда не спи вечеромъ предъ вечернимъ правиломъ, да не одебелѣтъ сердце твое отъ неблаговременнаго сна, и да не зашнетъ его врагъ *окамененнымъ нечувствіемъ* на молитвѣ.

Можно ли молиться съ поспѣшностію, не вреда своей молитвѣ? можно тѣмъ, которые научились внутренней молитвѣ чистымъ сердцемъ. Въ молитвѣ надобно, чтобы сердце искренно желало того, чего просить; чувствовало истину того, что говорить, а чистое сердце имѣетъ это какъ бы въ природѣ своей. Потому оно можетъ молиться и съ поспѣшностію и въ то же время богоугодно, такъ какъ поспѣшность (у него) не вредитъ истинѣ (искренности) молитвы. Но не стяжавшимъ сердечной молитвы надо молиться неспѣшно, ожидая соотвѣтствующаго отголоска въ сердцѣ каждаго слова молитвы. А это не всегда скоро дается человѣку, не привыкшему къ молитвенному созерцанію. Поэтому рѣдкое произношеніе словъ молитвы для такихъ людей должно быть положено за непремѣнное правило. Ожидай, пока каждое слово отдастся въ сердцѣ свойственнымъ ему отголоскомъ.

Какъ въ жизни часто бываетъ, что человѣкъ иное имѣетъ на сердцѣ, а иное на устахъ, въ одно и то же время представляется двуличнымъ, такъ и въ молитвѣ, предъ лицомъ Самого Бога, вѣद्याщаго тайная сердца, человѣкъ нерѣдко представляется двуличнымъ: иное говорить, а иное имѣетъ въ мысляхъ и на

сердцѣ; если же,—что чаще бываетъ,—хотя и понимаетъ молитву и мыслить о ней, но не сочувствуетъ сердцемъ тому, что говорить, будучи мертвъ, и бросаетъ такимъ образомъ слова на воздухъ, обманывая самого себя и думая, что такую молитвою можно угодить Богу. Странная грѣховная двойственность. Это горькій плодъ и свидѣтельство нашего грѣхопаденія. Сердцу нашему какъ то обычно лгать. *Всякъ человекъ ложь*, (Псал. 115, 2). Въ молитвѣ и въ обращеніи съ людьми. Это столпъ лжи. Христіанину надо употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы вырвать изъ сердца съ корнемъ всякую ложь и насадить въ немъ чистую истину. Надобно начинать съ молитвы, какъ съ такого дѣла, въ которомъ прежде всего необходима истина сердца, по слову Господа: *духомъ и истиною достойтъ кланитися* (Іоан. 4, 23). *Глаголи истину въ сердцѣ своемъ*. Научившись говорить истину въ сердцѣ во время молитвы, мы не позволимъ себѣ лгать и въ жизни: искренняя или истинная молитва, очистивши наше сердце отъ лжи, предохранитъ его отъ нея и въ обращеніи съ людьми въ дѣлахъ житейскихъ. Какъ же научиться говорить истину въ сердцѣ на молитвѣ? Нужно каждое слово молитвы довести до сердца, положить на сердце, прочувствовать сердцемъ его истину, вознать всю нужду для насъ того, чего просимъ у Бога въ молитвѣ, или нужду сердечнаго благодаренія за Его безчисленныя благодѣянія къ намъ и нужду всесердечнаго славословія за Его великія, премудрыя дѣла въ Его твореніи.

Духомъ и истиною покланяйтесь Богу. Истиною: напр., ты говоришь: *да святится имя Твое*. Есть ли въ тебѣ дѣйствительно желаніе, чтобы имя Божіе святилось добрыми дѣлами людей и твоими? Ты говоришь: *да придетъ царствіе Твое*; желаешь ли ты въ самомъ дѣлѣ наступленія царствія Божія? желаешь ли быть селеніемъ Духа Божія, а не селеніемъ грѣха? не охотнѣ ли ты желаешь жить во грѣхахъ?.. Смотри же, чтобы языкъ твой не былъ въ разногласіи съ сердцемъ: не лги же, смотри, Господу на молитвѣ твоей. Это имѣй всегда въ виду, какъ тогда, когда читаешь молитву Господню, такъ и тогда, когда читаешь другія молитвы. Наблюдай, согласно ли сердце твое съ тѣмъ, что произноситъ языкъ.

Иному молитвеннику о себѣ или о людяхъ, для пробужденія его дремлющаго сердца и совѣсти, надо предложить такой во-

прось: нужно ли тебѣ то, о чемъ ты, повидимому, просишь, и желаешь ли ты это получить? Желаешь ли, напримѣръ, искренно исправленія и святого житія?

Иногда человекъ молится, повидимому, усердно, но молитва его не приноситъ ему плодовъ покоя и радости сердца о Дусѣ Святѣ. Отчего? Оттого, что, молясь по готовымъ молитвамъ, онъ не каялся искренно въ тѣхъ грѣхахъ, которые онъ учинилъ въ тотъ день, которыми осквернилъ свое сердце, этотъ храмъ Христовъ, и коими прогнѣвалъ Господа. Но вспомни онъ о нихъ да раскайся, со всею искренностію осуди себя безпристрастно, — и тотчасъ водворится въ сердцѣ *миръ, превосходяй всякъ умъ* (Филипп. 4, 7). Въ молитвахъ церковныхъ есть перечисленіе грѣховъ, но не всѣхъ, и часто о тѣхъ-то самыхъ и не бываетъ упомянуто, коими мы связали себя. Надо непременно самому перечислять ихъ на молитвѣ съ яснымъ сознаніемъ ихъ важности, съ чувствомъ смиренія и съ сердечнымъ сокрушеніемъ. Оттого-то въ молитвахъ вечернихъ и говорится при перечисленіи грѣховъ: или то-то или это сдѣлалъ худого, т. е. предоставляется на нашу волю упоминать тѣ или другіе грѣхи.

Многіе люди молятся лицемѣрно, и ихъ лицемѣрная молитва вошла у нихъ въ привычку; они даже сами не замѣчаютъ и не хотятъ замѣтить, что молятся лицемѣрно, а не въ духѣ и истинѣ, такъ что если бы кто сказалъ имъ въ обличеніе, что они молятся лицемѣрно, они прогнѣвались бы на дерзнувшаго сказать такую, по ихъ мнѣнію, несообразность. До лицемѣрія человекъ доходить не вдругъ, а постепенно. Сначала онъ, можетъ быть, молился отъ сердца, но потомъ, — такъ какъ молиться всегда сердцемъ составляетъ значительный трудъ, къ коему надо всегда принуждать себя, ибо *царствіе небесное*, сказано, *нудится* (Мѡ. 11, 12), онъ начинаетъ молиться больше устами, поверхностно, а не изъ глубины души, такъ какъ это гораздо легче; и, наконецъ, при усиленной борьбѣ плоти и діавола, молится устами, не доводя до сердца силы словъ молитвенныхъ. Господь говоритъ о нихъ: *приближаются Мнѣ люди сіи усты своими и устнами чтутъ Меня, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Мѡ. 15, 8). Что сказано о молитвѣ, то слѣдуетъ сказать и о причащеніи святыхъ, безсмертныхъ и животворящихъ Таинъ. Часто сначала человекъ причащается съ живою вѣрою, съ чувствомъ любви и благоговѣнія, а потомъ при непрестанномъ противодѣй-

ствіи плоти и діавола истинѣ Божіей, уступаєть имъ побѣду надъ собою и причащается лицемѣрно, не Тѣла и Крови, но, по его мыслямъ сердечнымъ, хлѣба и вина. Существо Таинъ, *духъ и животъ* (Іоан. 6, 63), какъ сказалъ Спаситель, *не вмѣщается* (1 Іоан. 8, 37) въ немъ; онъ внутренно окрадьвается сатаною. Сохрани Боже всѣхъ отъ такого причащенія, отъ такой хулы на Господа. Это же бываетъ и съ таинствомъ покаянія.

Нѣкоторые поставляютъ все свое благополучіе и исправность предъ Богомъ въ вычитываніи всѣхъ положенныхъ молитвъ, не обращая вниманія на готовность сердца для Бога, на внутренне исправленіе свое; напр., многіе такъ вычитываютъ правило къ причащенію. Между тѣмъ здѣсь прежде всего надо смотрѣть на исправленіе и готовность сердца къ принятію Святыхъ Таинъ. Если сердце твое право стало во утробѣ твоей, по милости Божіей если оно готово встрѣтить Жениха, то и слава Богу, хотя и не успѣлъ ты вычитать всѣхъ молитвъ. *Царство Божіе не въ словеси, а въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Хорошо послушаніе во всемъ матери Церкви, но съ благоразуміемъ; и, если возможно, *моій вмѣстити* продолжительную молитву—*да вмѣститъ. Но не вси вмѣщаютъ словесе сего*. Если же продолжительная молитва не совмѣстима съ горячіюстію духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву. Припомни, что одно слово мытаря, отъ горячаго сердца сказанное, оправдало его. Богъ смотритъ не на множество словъ, а на расположеніе сердца. Главное дѣло—живая вѣра сердца и теплота раскаянія во грѣхахъ.

При молитвѣ держись того правила, что лучше сказать пять словъ отъ сердца, нежели тьмы словъ языкомъ. Когда замѣчаешь, что сердце твое хладно и молится неохотно,—остановись, согрѣй свое сердце какимъ нибудь живымъ представленіемъ,—напр., своего окаянства, своей духовной бѣдности, нищеты и слѣпоты, или представленіемъ великихъ, ежеминутныхъ благодѣяній Божіихъ къ тебѣ и къ роду человѣческому, особенно же къ христіанамъ, и потомъ молись не торопясь, съ теплымъ чувствомъ. Если и не успѣешь прочитать всѣхъ молитвъ ко времени, бѣды нѣтъ, а пользы отъ теплой и неспѣшной молитвы получишь несравненно больше, чѣмъ если бы ты прочиталъ всѣ молитвы, но спѣшно, безъ сочувствія. *Хощу пять словъ умою моимъ глаголати, нежели тьмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14, 19). Но очень хорошо, разумѣется, было бы, если бы мы могли съ должнымъ со-

чувствіемъ сказать на молитвѣ и тьмы словесъ. Господь не оставляетъ трудящихся для Него и долго предстоящихъ Ему; *въ нюже мѣру они мѣрятъ, возмѣриваетъ и Онъ*, и соотвѣтственно обилію истишныхъ словъ ихъ молитвы, посылаетъ въ душу ихъ обиліе духовнаго свѣта, теплоты духовной, мира и радости. Хорошо продолжительно и непрестанно молиться, *но не вси вмѣщаютъ словесе сею, но имже дано есть, могий вмѣстити да вмѣститъ*. Не могущимъ вмѣщать продолжительной молитвы, лучше творить молитвы краткія, но съ горячею душею.

Что такое — „живое“ проповѣдническое слово.

Въ настоящее время потребность въ живомъ словѣ сказывается особенно сильно. Правда, и всегда живая человѣческая душа искала и ищетъ живой пищи, способной удовлетворить ея дѣйствительные, мучащія ея запросы. Но развитіе сектанства съ его протестантскимъ принципомъ «свидѣтельства о словѣ Божіемъ» выражающагося въ широкомъ проповѣдываніи, невольно вызываетъ и пастырей Православной Церкви отвѣчать тѣмъ же оружіемъ.

И насколько можно наблюдать за современной жизнью, проповѣдничество стало оживать въ нашей Церкви. Если же взять въ примѣръ нашу столицу, то повидимому, трудно и желать большаго: въ разныхъ концахъ города въ разные часы ведутся то миссіонерскія бесѣды; то т. наз. Уроки Закона Божія, гдѣ послѣдовательно, подобно к. и во времена Златоуста, изъясняется слово Божіе, преимущественно Евангелія; то — обычныя проповѣди и т. п.

И все это говорить объ оживленіи проповѣдническаго дѣла. Но жалобы на недостатокъ «живого слова» не прекращаются и теперь. Одна образованная госпожа, жена б. профессора Академіи, говорила недавно, — что она посѣщаетъ бесѣды сектанта Фетлера и очень довольна имъ; сохраняя неприкосновеннымъ свое православіе. Она объясняетъ подобное поведеніе тѣмъ, что проповѣди нашихъ батюшекъ не зажигають, а тамъ (у Фетлера), по ея словамъ, «очень интересно». Точно также обратитесь къ почитателямъ т. наз. «брата Иванушки» и спросите, почему они туда ходятъ, они отвѣтятъ тѣмъ же: «тамъ очень интересно». Напрасно бы вы стали имъ указывать, что въ то же самое время и почти рядомъ ведется бесѣда въ Церкви такимъ то батюшкой; васъ выслушаютъ, согласятся на словахъ, а пойти, не пойдутъ.

Почему? потому что здѣсь у «Иванушки» они «живутъ» во время проповѣди. Вопросъ другой, какова эта жизнь*), но одно лишь несомнѣнно, что здѣсь — не мертво.

*) Конечно—сектантская, прелестная, антицерковная, пагубная (см. брош. Гером. Веніаміна «Подмѣна Христіанства». СПб. 1911.)

Наоборотъ, возьмите въ примѣръ, нерѣдкій особенно въ провинціи, — когда народъ, особенно болѣе или менѣе образованный, оставляетъ храмъ при первомъ появленіи проповѣдника; а остающіеся скучаютъ, ожидая смиренно — терпѣливо конца слова и смотря на него, преимущественно какъ на необходимую повинность.

Столичный церковный народъ въ этомъ отношеніи представляетъ, впрочемъ, отрадное исключеніе: къ проповѣдничеству вообще (а не къ тому или другому проповѣднику) интересъ здѣсь большой, — какъ съ удовольствіемъ, но и удивленіемъ отмѣчаютъ это провинціальныя люди: слова здѣсь ждуть и ищутъ. А если гдѣ услышать живой голосъ, то идутъ туда нерѣдко за 5—6 версть.

Но эта жажда живого слова велика и вообще во всемъ нашемъ религіозномъ народѣ. Не осуждая своихъ пастырей за молчаніе или чтеніе сухихъ заготовленныхъ проповѣдей, нашъ богомольный народъ идетъ по разнымъ монастырямъ и пустынкамъ, къ какимъ нибудь старцамъ, подвижникамъ, чтобы тамъ у нихъ какъ бы вспрыснуть себя живой водой, набраться духу на будущее время. Примѣры о Іоанна Кроншт., Амвросія Опт., — и многихъ, многихъ другихъ, извѣстныхъ въ той или иной мѣстной округѣ, свидѣлствуютъ объ этой жадѣ живого слова.

Но фактъ таковъ, что именно живого то слова сравнительно мало. Какъ же быть? что дѣлать, чтобы удовлетворить эту жажду? Для этого разсмотримъ прежде всего, — *что такое живое проповѣдническое слово?* а отсюда ясно будетъ и то, каковъ путь къ нему. Вообще, живое проповѣдническое слово можно пока опредѣлить такъ, что оно производитъ оживляющее впечатлѣніе, возбуждаетъ интересъ, дѣйствуетъ на сердце — въ истинно-религіозномъ смыслѣ этихъ понятій. Въ чемъ же заключается источникъ этой жизненности? Въ представленіи нѣкоторыхъ, а также въ обыденной разговорной рѣчи у насъ нерѣдко живое слово смѣшиваютъ съ словомъ *устнымъ*, разумѣя подъ послѣднимъ, какъ слово написанное, но заученное наизусть и передаваемое слушателямъ по памяти, такъ равно и — слово заранѣе обдуманное и составленное, но облакаемое въ форму уже во время самаго произношенія, т. е. то, что обычно, хотя и не точно, принято называть импровизаціей. Къ этому именно миѣнію въ извѣстной степени склоняется, между прочимъ, даже такой видный проповѣдникъ, какъ Амвросій Арх. Харьковскій, авторъ извѣстнаго «Живаго слова».*)

Повидимому, онъ самъ не считаетъ «наизустныя», такъ сказать, проповѣди словомъ живымъ. «Отдавая имъ должную дань

*) Жив. Сл. Харьковъ 1892.

признательности», съ точки зрѣнія чисто—ораторской, такъ какъ заучившій наизусть имѣетъ возможность больше вникать въ содержаніе произносимаго, а слѣдовательно, и воодушевляться; Архіеп. Амвросій, «при всемъ уваженіи къ рѣчамъ» подобныхъ проповѣдниковъ, говоритъ, что «по самому существу дѣла... это совсѣмъ не то, что называется въ тѣснѣйшемъ смыслѣ живымъ или импровизованнымъ словомъ» *).

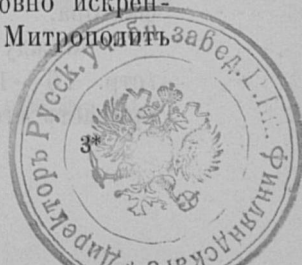
Но мы думаемъ, что, строго говоря, различіе между тѣмъ и другимъ типомъ устнаго слова—не въ «существовѣ дѣла», какъ говоритъ Арх. Амвросій, а лишь—въ степени. Одинъ, — заучившій наизусть, — выработалъ форму раньше; другой — импровизаторъ — творитъ ее послѣ, во время самаго произношенія. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ одушевленіе должно получиться большее, ибо въ то время напряженнѣе работаютъ силы души; но различіе, слѣдовательно, степенное, такъ какъ и заучившій свою рѣчь, или просто обладающій отличной памятью, если при этомъ онъ обладаетъ способностью ораторски произносить рѣчи, т. е. обладаетъ артистическими способностями—вызывать переживанія («перевоплощеніе») и художественно передавать ихъ голосомъ, то такой проповѣдникъ мало, а то даже почти и ничуть не можетъ быть отличенъ отъ импровизатора и произведетъ въ сущности такое же, или даже и большее впечатлѣніе такъ сказать «живостью» слова, чѣмъ иной импровизаторъ, особенно если послѣдній не обладаетъ очень живымъ слогомъ. Одного знаменитаго французскаго проповѣдника Бурдалу спросили: какая изъ произнесенныхъ имъ проповѣдей больше всѣхъ нравится ему самому? — Та, которую я заучилъ лучше всѣхъ наизусть, — былъ отвѣтъ.

Про Митрополита Платона Московскаго рассказываютъ, что послѣ произнесенія имъ одной изъ проповѣдей, къ нему пришелъ знакомый артистъ и попросилъ его позволить ему произнести ту же проповѣдь по записанной тетради; и Митрополитъ Платонъ былъ настолько пораженъ разностью впечатлѣнія, что это послужило для него поводомъ брать уроки артистическаго произношенія.

Эти примѣры, конечно, крайніе; но они именно показываютъ, что существенной разницы въ «наизустной» и «импровизованной» проповѣди нѣтъ; послѣдняя, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, лишь болѣе можетъ быть одушевлена. Но и только.

Что же касается существа дѣла, то само по себѣ ни наизустное, ни импровизованное произношеніе еще *не составляетъ живого слова*. Прежде всего, — мы знаемъ, что такіе безусловно искренніе, истинно-воодушевленные проповѣдники, какъ Митрополитъ

*) 29, 30.

Московскій Филаретъ, не произносили устно проповѣдей, не только сами, но даже и другимъ запрещали; а между тѣмъ, не только современные ихъ слушатели, но даже и мы теперь совершенно ясно ощущаемъ живой духъ проповѣди Митрополита Филарета: на читателя онѣ и доселѣ производятъ такое впечатлѣніе, будто бесѣдуешь или слушаешь живого великаго Архипастыря. И наоборотъ, какъ это ни странно повидимому, проповѣди того же Архіепископа Амвросія читаются теперь (по крайней мѣрѣ мною лично) нѣсколько холодно: онѣ умны, содержательны и пр., но сердце мало затрогиваютъ. Равнымъ образомъ приходилось слушать устныхъ, т. е. и заранѣе заготовленные и импровизованные, проповѣди нѣкоторыхъ пастырей и свѣтскихъ лицъ; и однако впечатлѣніе мертвости ощущалось со всей остротой, что свидѣтельствовалось также малымъ количествомъ слушателей и ихъ скучными лицами.

Слѣдовательно, по существу дѣла живое слово *не въ устномъ факторѣ*. И это совершенно понятно: устное, хотя бы и импровизованное, произношеніе касается собственно *способа передачи*, т. е. слѣдовательно — *формы* дѣла, а не самой сути его. Но въ такомъ случаѣ, почему же въ рѣчи и представленіи нерѣдко смѣшиваются эти понятія — «живой» и «устный»? Причина тому есть. Какъ бы то ни было, прежде всего, но живое содержаніе естественнѣе (обычно) выливается въ устной именно формѣ. Для живой проповѣднической души говорить по тетрадкѣ значитъ замыкать до извѣстной степени душу въ пути, охлаждать огонь, жизнь обращать въ чтеніе, проповѣдника въ чтеца. Нѣкоторая часть воодушевленія непременно улегучится при этомъ. При устномъ же словѣ переживаніе предмета будетъ непременно интенсивнѣе (обычно), напряженнѣе, и это не можетъ не отразиться и на впечатлѣніи. Короче сказать, здѣсь дѣйствуютъ законы чисто естественные, ораторскіе; и въ этомъ отношеніи гомилетика является лишь одной изъ отраслей вообще искусства краснорѣчія, лишь по мѣсту и предмету называемаго «церковнымъ».

И это значеніе *сравнительно — большаго соответствія* устной рѣчи живому слову наблюдается, констатируется, а затѣмъ и предписывается Гомилетикой, — но предписывается, въ виду указанной степени значенія, не въ качествѣ необходимаго, существеннаго признака, *sine qua non* живого слова, а лишь въ качествѣ *побочнаго*, второстепеннаго, а можетъ быть и третьестепеннаго, фактора.

Между тѣмъ, Архіепископъ Амвросій, хотя бѣгло указываетъ (стр. 16—19) истинный смыслъ понятія «живого», — но не раскрываетъ его, не останавливается на немъ въ должной мѣрѣ, удѣ-

ляя все остальное вниманіе и содержаніе книжки (за искл. этихъ 3 стр.) вопросу объ импровизаціи. И въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается коренной недостатокъ и даже ошибка, смѣшивающая *проповѣдь съ ораторствомъ*: часть принята за цѣлое, второстепенное—за главное, случайное за существенное. Импровизація не есть живое слово. Поэтому данную книгу нужно бы озаглавить иначе, напр.: «о церковной импровизаціи»,—да и съ этой точки зрѣнія вопросы многіе здѣсь не рѣшены по существу. Подобные же выводы должны мы сдѣлать и относительно другого смѣшенія. Живая проповѣдь, говорятъ, есть проповѣдь *изобразительная—наглядная*. Употребленіе удачныхъ сравненій, метафоръ и проч. словесныхъ фигуръ; приведеніе подходящихъ примѣровъ изъ житій святыхъ и подвижниковъ, для характеристики христіанской жизни, и--примѣровъ, фактовъ худыхъ, для характеристики жизни безнравственной; ясный планъ, простота рѣчи, опредѣленность мысли, правильность и точность выраженія и пр.; все это, безъ сомнѣнія, содѣйствуетъ оживленію рѣчи всякой, въ частности и проповѣди. Всякій проповѣдникъ прекрасно знаетъ, какъ часто слушатели, скучающіе при отвлеченномъ изложеніи предмета, сразу оживаютъ и до такой степени внимательно начинаютъ слушать приводимый наглядный примѣръ или сравненіе, что заатаиваютъ даже дыханіе; и когда оканчивается рассказъ, сразу начинаютъ вслухъ дышать,—отдышваются. Американскій проповѣдникъ Брунсъ*), характеризуюя подобныхъ проповѣдниковъ, пишетъ «Представимъ себѣ, что онъ (проповѣдникъ) станетъ развивать доказательство. Тотчасъ онъ измѣняетъ тонъ: вмѣсто отвлеченной логики вотъ какимъ неожиданнымъ оборотомъ можетъ пользоваться онъ: «въ прошлый понедѣльникъ, послѣ обѣда, когда я находился въ своемъ кабинетѣ, явился ко мнѣ одинъ господинъ», или такъ: «я шелъ по улицѣ. Одинъ встрѣчный...» и т. д. Разумѣется, и подобнаго рода чисто-естественныя средства, возбуждающія вниманіе или даже и любопытство, могутъ и даже должны (вопросъ лишь о степени, мѣрѣ, цѣли и способѣ) быть использованы проповѣдникомъ; но опять-таки и этотъ способъ оживленія относится больше къ ораторству вообще, т. е. слѣдовательно *къ внешней сторонѣ* проповѣди, а потому не можетъ быть считаемъ существеннымъ признакомъ живого слова церковнаго. Мы знаемъ тысячи проповѣдей и многіхъ живыхъ проповѣдниковъ, которые мало считаются съ требованіями наглядности, и совсѣмъ иногда не употребляютъ примѣровъ; и однако же ихъ слово было и бываетъ истинно живо и дѣйственно.

*) Изъ бесѣды о проповѣди, переск. Петрушевскаго. Кіевъ. 1898, стр. 69.

Между тѣмъ, проповѣдники послѣдняго времени слишкомъ переоцѣниваютъ этотъ признакъ живого слова. Желая придать проповѣди *популярность*, нѣкоторые изъ нихъ доходятъ почти до фельетоннаго слога и подыскиваютъ примѣры наряду съ житіями и изъ иныхъ вѣроисповѣданій и даже отъ безбожныхъ людей. Въ такомъ именно духѣ развито проповѣдничество особенно въ Америкѣ, у оригинальныхъ и избалованныхъ завлекательной культурой янки. Но и у насъ подобный типъ вошелъ въ моду, среди нѣкоторой части проповѣдниковъ, особенно послѣ бывш. свящ. Г. Петрова. Популярность его бесѣдъ и проповѣдей несомнѣнно главнымъ образомъ объясняется именно этимъ чисто ораторскимъ приѣмомъ—изобразительностью, наглядностью устной рѣчи. И въ этомъ его коренное разоблаченіе: средство, да еще и переоцѣненное, не сдержанное въ рамкахъ мѣры, имъ было поставлено во главу угла, въ содержаніе, что вполнѣ естественно при отсутствіи истиннаго духа, но при богатствѣ наблюденій и и свободѣ рѣчи. Подобнаго же теченія (и по тѣмъ же, должно думать, причинамъ) придерживается «Отдыхъ Христіанина»*), такъ же дѣйствуютъ особенно и всѣ сектанты: «я былъ въ Англии и видѣлъ тамъ рощу; съ перваго взгляда она представляется сплошной зеленой стѣной; подхожу ближе и вижу, что дубы всѣ посохли, а зелень лишь хмель, обвившій и высушившій ихъ. Такъ бываетъ и съ людьми...» и т. д. Вы даже сейчасъ замѣчаете, что вниманіе ужъ насторожилось. И потому этимъ можно пользоваться, но въ мѣрѣ, со смиреніемъ, не для ораторства, не для искусственныхъ цѣлей, и тѣмъ болѣе не для славы своей и даже завлеченія слушателей, то есть не столько цѣли вообще, сколько собственно въ качествѣ естественнаго средства для нагляднаго выраженія мыслей. И хотя на первыхъ порахъ трудно сдерживать ораторское тщеславіе отъ удачнаго хода; но непременно должно бѣжать отъ подобнаго—не факта,—а назначенія его, настроенія; иначе собственно это будетъ значить похищеніе Божьяго, исканіе своей славы, постановка дѣла Божьяго въ зависимость отъ «слишкомъ человѣческаго», даже съ устраненіемъ перваго.

Употребляемая же въ мѣрѣ и съ благоговѣйнымъ настроеніемъ, *наглядность* много оживляетъ проповѣдь; почему и можетъ быть и должна быть употребляема; и сравнительно съ первымъ средствомъ (устнымъ произношеніемъ) эта сторона болѣе дѣйствительна для оживленія, какъ это мы можемъ судить по аналогіи и на основаніи превосходства въ этомъ отношеніи беллетристической литературы предъ философской. Но, слѣдовательно, и

*) Это отмѣч. и «Рук. д. с. п.» 1910. № 29.

наглядное слово не есть еще живое слово; ибо наглядность относится къ формѣ и *способу изложенія*, а не къ существу дѣла.

Далѣе, въ послѣднее особенно время живое слово хотять если не отождествить, то, по крайней мѣрѣ, тѣсно сблизить съ понятіемъ *современное*. Послѣднее понятіе включаетъ въ себя два частныхъ вида. Прежде всего современнымъ называютъ элементъ, относящійся вообще къ данному времени, хотя бы онъ не имѣлъ никакого приложенія или особеннаго интереса для непосредственныхъ слушателей. Такъ, напримѣръ, событія Португаліи хотя и современны, но для простыхъ религіозныхъ душъ едва ли особенно интересны. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ современнымъ называется слово, захватывающее жизнь не только даннаго времени, но и данныхъ слушателей. Въ этомъ смыслѣ слово современное переходитъ въ болѣе точное понятіе слова *реалистичнаго*, т. е. имѣющаго непосредственное отношеніе къ данному *дѣйствительному* состоянію слушателей.

Совершенно понятно, что оба эти вида современности болѣе или менѣе, особенно же послѣдній, оживляютъ проповѣдь. Первый видъ, впрочемъ, больше можетъ быть относимъ къ понятію — наглядности, — какъ иллюстрація къ извѣстному положенію. Второй же, какъ затрагивающій «злобу дня», такъ или иначе переживаемую каждымъ, разумѣется, несравненно болѣе дѣйственъ. Поэтому совершенно понятно, что въ послѣднее время особенно обратили вниманіе на эту сторону проповѣди.

Но данный элементъ, самъ по себѣ взятый, лишь вноситъ собственно *интересъ*: слушатели, видя въ проповѣди самихъ себя, свою жизнь, естественно со вниманіемъ относятся къ проповѣднику.

Однако, впечатлѣнія глубокаго можетъ и не быть еще: если проповѣдникъ является только, или хотя бы преимущественно, холоднымъ оцѣнщикомъ реальной жизни, то слушатели выслушаютъ его, какъ бы механически. Картина жизни останется больше въ умѣ, чѣмъ на сердцѣ; хотя послѣднее можетъ зависѣть уже и отъ самихъ слушателей: если они люди искренно скорбящіе о себѣ, то и изъ холодной реальной проповѣди вынесутъ горячее впечатлѣніе. Однажды проповѣдникъ, благодаря личнымъ обстоятельствамъ, вель бесѣду съ совершенно застывшей почти душой и, уходя домой, думалъ, что проповѣдь на этотъ разъ была совсѣмъ неудачна, хотя и современно-реалистична. Но къ удивленію своему, въ тотъ же вечеръ одинъ изъ слушателей пришелъ къ нему съ откровеніемъ самыхъ затаенныхъ помысловъ: «вы, батюшка, точно о мнѣ рассказывали», хотя проповѣдникъ о немъ-то именно и не думалъ.

Въ виду этого, элементъ современности весьма важенъ въ проповѣди, важнѣе всѣхъ предыдущихъ элементовъ; но его можно употреблять челоѣкъ и совершенно мертвый; слѣдовательно, само по себѣ и это слово еще не живое.

Къ этому понятію современнаго можно отнести и понятіе постояннаго, всегдашняго, *вѣчнаго*. Кажущееся страннымъ на первый разъ, недоумѣнное это соотношеніе разъясняется тѣмъ, что въ понятіе вѣчнаго непременно входитъ и современное, какъ часть въ цѣлое. Таковы въ сущности всѣ религіозно-нравственные вопросы. Душа всегда въ общемъ была одна и та же. На этомъ именно принципѣ основывается, между прочимъ, схоластическій способъ писанія проповѣдей, которыя можно было произносить и тамъ и здѣсь, и на Покровъ Божіей Матери и на память любого святаго; стоило только измѣнить имя да составить новое введеніе, а потомъ произносить все цѣликомъ. Въ новыхъ гомилетикахъ, (напримѣръ Гарѣева)*), этотъ видъ проповѣди осуждается безпоощадно; между тѣмъ, намъ кажется, что зерно, суть этого проповѣдничества—вѣрное, ибо затрагиваемые вѣчные общіе вопросы всегда интересны и живы для религіозной души. А если бы относиться съ такой тенденціозной критикой къ современнымъ проповѣдямъ, хотя бы студенческимъ, то пришлось бы многія изъ нихъ назвать схоластическими и, слѣдовательно, якобы безжизненными; тогда, какъ нерѣдко приходится отмѣчать, что эти вѣчныя истины и раскрываются и читаются интереснѣе и живѣе, а элементъ современности подчасъ носить отгѣнокъ поверхностности и маложизненности; не говоря уже о томъ, что иногда связь между поводомъ и темой бываетъ и теперь слишкомъ натянутая: напримѣръ, на Евангеліе о Навинскомъ воскрешеніи пишутъ о почитаніи храма, о любви къ Богу и ближнимъ и т. д. Вѣдь, ассоціаціи могутъ быть безконечны. Назвать такія проповѣди бесполезными, никоимъ образомъ нельзя; ибо они своей цѣли достигаютъ; схоластической можно считать развѣ лишь связь; но это дѣло не особенной еще важности. Даже въ проповѣдяхъ о. Іоанна Кронштадтскаго наблюдаются подобные случаи. Слѣдовательно, элементъ современности въ тѣсномъ смыслѣ—не столь существененъ; наоборотъ, современность—въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. вѣчное постоянное содержаніе душевной жизни—болѣе важна и даже совершенно уже необходима: безъ нея проповѣдь будетъ пустымъ ораторствомъ, біеніемъ воздуха, хотя бы и современнымъ. Но съ другой стороны, если эти общія, слѣдовательно, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныя, истины будутъ лишь плодомъ сухой передачи

*) По вопросамъ гомилетики 1903. Тр.-Серг. Лавра. 9—10.

проповѣдника, а слушатели не отличаются подъемомъ и чуткостью религіозной жизни; то такія проповѣди, несмотря на неоспоримую свою истинность, могутъ показаться, какъ говорятъ, шаблонными. Таковы большею частью проповѣди для руководства. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что элементъ жизнѣнности не связанъ неразрывно и съ понятіемъ современности, реальности.

Но все это взятое вмѣстѣ или порознь несравненно болѣе оживетъ, если проповѣдь будетъ *одушевлена*. Это понятіе почти совсѣмъ уже совпадаетъ съ живымъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ. Человѣкъ, одушевленный какой-либо идеей, не только горитъ, живетъ ею самъ, но необходимо согрѣваетъ и оживляетъ и окружающихъ. Это фактъ общеизвѣстный. Жизнь рождается жизнью, огонь занимается отъ огня. Таковъ общій законъ.

И эту именно черту, какъ наиболѣе характерную для опредѣленія живого слова, особенно выдѣляетъ проф. Пѣвницкій *). «Высшую силу, — говоритъ онъ, — даетъ оратору напряженіе воли или всей души его, которое проявляется *въ одушевленіи, въ паѳосѣ*. У оратора, который говоритъ съ силою и убѣжденіемъ, вся духовная организація находится въ состояніи *возбужденія*, и въ этомъ возбужденномъ состояніи онъ весь проникается тѣмъ предметомъ, какой хочетъ передать слушателямъ, воспринимаетъ его всею полнотою существа и притомъ стремительно направляетъ свое слово къ цѣли, имъ предположенной». И это одушевленіе профессоръ, въ сущности говоря, и считаетъ причиной живости проповѣди; слѣдовательно, по нему, живое слово — значитъ слово одушевленное. Это — основная мысль его теоріи гомилетики. Но мы вполне согласиться съ этимъ не можемъ; такъ какъ понятіе «одушевленія» имѣетъ различный смыслъ. Правда, и самъ проф. Пѣвницкій (с. 718) отличаетъ отъ истиннаго паѳоса — напускной, фальшивый. Въ этомъ, конечно, онъ правъ; ибо нѣкоторые проповѣдники, и даже не по корыстнымъ мотивамъ тщеславія, а ихъ искренняго желанія произвести впечатлѣніе на сердца слушателей приподнятою своего тона, нерѣдко допускаютъ себѣ *видѣ* воодушевленія: громкій голосъ, живость движеній лица, корпуса и рукъ, ораторскіе приемы, даже воззванія, вродѣ: «милые вы мои, милые дорогіе моему сердцу братіе и сестры», какъ приходилось наблюдать это. И должно сказать, что все это воодушевленіе приковываетъ вниманіе слушателей: повидимому, они интересуются проповѣдью. Но уже для внимательнаго и чуткаго слуха и тонкой души подъ этимъ «одушевленіемъ» все время замѣтна холодность, мертвость проповѣдника; и отъ слова въ такомъ случаѣ не получается

*) Церк. Красн. Кіевъ 1906. с. 17—18.

не только живого впечатлѣнія, — а прямо удручающее, охлаждающее даже послѣдніе остатки религіознаго настроенія. Но и люди съ болѣе простой душой и меньшимъ критическимъ чутьемъ все же, по нашему мнѣнію и наблюденію, интересуются и оживляются не по существу, не до глубины: они именно все время какъ бы *насилно* привязаны къ слову; потому чтобы быть спокойнымъ, равнодушнымъ — психофизически невозможно: приподнятость рѣчи дѣйствуетъ на душу и нервы возбуждающе. Но когда вы всмотритесь въ глубину ихъ настроенія, то не замѣтите ни скорби, ни благоговѣнія, ни умиленія, ни религіозной радости. Даже наоборотъ, — какъ и приходилось наблюдать, — если въ рѣчи проповѣдника вдругъ промелькнетъ наглядная бытовая картина, — вроде какъ напримѣръ: «женѣ сказалъ: пойду въ церковь, а самъ попалъ въ пивную»; то многіе слушатели тотчасъ улыбаются, переглядываются другъ съ другомъ и т. п.; очевидно, что все одушевленіе оратора есть лишь внѣшнее, а потому и не глубоко затрагивающее душу, — занимающее развѣ лишь умъ, возбуждающее нервы и слухъ. Съ такой проповѣди слушатели расходятся собственно съ недоумѣніемъ: спросите ихъ: поправилась ли проповѣдь? Затруднятся сразу отвѣтить; а потомъ «вспомнивъ», что «горячо» говорилось, — скажутъ, но сравнительно спокойно: «да, хорошая проповѣдь», — и, пожалуй, передадутъ и содержаніе ея; а въ душѣ — пустовато: жизнь не зародилась. Такое слово подобно вымерзшему сѣмени: по виду совсѣмъ похоже на плодоносное сѣмя, — но брошенное въ землю, не даетъ ростка. Это собственно не воодушевленіе, а *воодушевляніе*, хотя бы и искреннее. Какъ же къ нему отнестись съ точки зрѣнія живого слова? По нашему мнѣнію, *оно не должно быть допускаемо*; во 1) потому, что въ сущности оно, какъ мы видѣли, не достигаетъ цѣли, — 2) потому, что всякая игра, всякая фальшь недостойны такого святаго дѣла и мѣста, и 3) что это есть — «восхищеніе Божьяго», т. е. подтасовка Божественнаго воздѣйствія чисто человѣческимъ, да еще и искусственнымъ. А должно сказать, что соблазнъ этой подмѣны грозитъ всѣмъ проповѣдникамъ, особенно на первыхъ порахъ. Но какъ не быть? Это будетъ предметомъ дальнѣйшей рѣчи нашей.

А теперь обратимся къ второму виду одушевленія. Нѣкоторые проповѣдники, выступая на кафедрѣ, чувствуютъ подъемъ и говорятъ *съ искреннимъ* воодушевленіемъ, съ увлеченіемъ. Той раздвоенности, расщепленности, какая наблюдалась въ предыдущемъ типѣ, здѣсь нѣтъ. Есть ли это «живое слово»? Можно сказать: и да, и нѣтъ. Дѣло въ томъ, что иногда, а у молодыхъ даже нерѣдко, это воодушевленіе бываетъ результатомъ чисто-естественнаго, человѣческаго, ораторскаго возбужденія; обстановка ораторства при-

поднимаетъ дѣятельность души; поэтому подобное воодушевленіе носить характеръ случайный, временный, и есть собственно — *увлеченіе*. Плоды его почти совпадаютъ съ предыдущими: оно возбуждаетъ, но не затепляетъ жизни; дѣйствіе больше механическое, внѣшнее, — чѣмъ внутреннее, органическое; хотя, съ другой стороны, и это временное возбужденіе въ довольной степени *оживляетъ* слово. Поэтому, если проповѣдникъ не чувствуетъ въ себѣ фальши, неискренности, то лѣтъ нужды особенно сдерживать увлеченіе; однако же, если хватить смиренія и умѣнія, и здѣсь лучше положить мѣру возбужденности, паоосу; ибо 1) не въ этомъ суть, — 2) къ тому же чуткое сердце и совѣсть проповѣдника и въ этомъ не могутъ не видѣть подмѣны Божьяго воздѣйствія — чело-вѣческимъ; почему нѣкоторые, послѣ повидимому блестящей проповѣди, вдругъ въ глубинѣ души своей чувствуютъ боль: будто бы украли у Господа влияніе, — чувствуютъ, что здѣсь Бога то собственно не было почти, а все — плодъ его личнаго естественнаго дѣйствія; отчего становится стыдно, какъ за совершенный грѣхъ; а главное, такой проповѣдникъ видитъ въ подобномъ влияніи устраненіе Бога, т. е. именно устраненіе Того Начала, къ Которому устами онъ зоветъ. А менѣе чуткіе воображаютъ, будто плоды сторичны, а о себѣ думаютъ высоко, надмеаясь блескомъ слова и своего воодушевленія.

Поэтому мы, расходясь уже здѣсь съ проф. Пѣвницкимъ, полагаемъ, что одушевленіе, паоосъ не самое главное условіе жизни проповѣди, т. е. дѣйственности ея; и потому мы не придаемъ ему, самому по себѣ, особеннаго значенія, какъ сторонѣ все же болѣе или менѣе внѣшней. Это «одушевленіе» — порядка собственно естественно-ораторскаго, *душевнаго*, по терминалогіи святыхъ отцовъ и епископа Теофана-Затворника. Поэтому въ сравнительной оцѣнкѣ его строго-православная гомилетика расходится съ теоріей ораторства, а слѣдовательно, и съ теоріей профессора Пѣвницкаго, которая сводится въ существенномъ почти къ теоріи краснорѣчія вообще; хотя онъ говоритъ и о другихъ принципахъ дѣйственности слова (между прочимъ, и о благодати), но центръ его взгляда не идетъ дальше *паооса*, который профессоромъ несомнѣнно переоцѣнивается.

Есть третій видъ воодушевленія истинно-религіозно-проповѣдническаго, а не естественно-ораторскаго; но это будетъ уже относиться къ иной области раскрытія понятія, гдѣ мы будемъ говорить уже о *положительномъ* содержаніи его.

Обобщая же сказанное доселѣ, мы можемъ пока притти къ тому общему выводу, что хотя элементъ устности (произношеніе), на-

глядности (вѣшняя сторона ораторства), современности и реализма (иные называютъ «народностью»-популярностью) и воодушевления (естественнаго) — *оживляютъ* слово, но сами по себѣ не дѣлаютъ еще его существенно — *живымъ*. Слѣдовательно значеніе всѣхъ этихъ элементовъ лишь второстепенное, посредствующее и вспомогательное.

„Разсказъ.“

Въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, обитымъ зеленымъ сукномъ, кое-гдѣ запачканнымъ чернильными пятнами сидѣлъ съ грустно-задумчивымъ лицомъ сотрудникъ маленькаго провинціальнаго еженедѣльника «Звѣзда» — Андрей Галактіоновичъ Просвѣтовъ. Вокругъ на столѣ въ безпорядкѣ были разбросаны книги, газеты, журналы, рукописи, брошюры и пр.

Въ дверь постучались.

Войдите! — произнесъ Просвѣтовъ, не ожидавшій посѣтителей въ ранній утренній часъ: было около половины девятаго.

Въ дверяхъ появился мѣстный батюшка одной изъ приходскихъ городскихъ церквей, отецъ Владимиръ. На видъ ему можно было дать уже около 50—60 лѣтъ; борода съ просѣдью, спокойные вдумчивые свѣтло-синіе глаза, — тихій, но какъ-то приковывавшій къ себѣ вниманіе голосъ, все это сразу располагало къ нему сердца встрѣчавшихся съ нимъ людей.

— А-а! Батюшка! Вотъ неожиданная, но, какъ всегда, пріятная встрѣча! — бодро заговорилъ Андрей Галактіоновичъ, — вскакивая съ кресла на встрѣчу посѣтителю: онъ принадлежалъ къ приходу отца Владимира, былъ духовнымъ сыномъ его и вообще находился въ лучшихъ отношеніяхъ съ «своимъ» батюшкой, нерѣдко бывая у него въ свободные вечера и въ домѣ.

— Вотъ и я къ вамъ съ отвѣтнымъ визитомъ, — улыбаясь, крестясь на икону Божіей Матери съ зажженной розовой лампадой, отвѣтилъ батюшка, а то Вы все упрекаете, что рѣдко бываю. А пришелъ вотъ, вы сразу — «неожиданный»... Есть пословица... знаете ее? «нежданный гость»..., — все въ томъ же отечески-благодушномъ тонѣ продолжалъ отецъ Владимиръ.

— Что вы? что вы? Пощадите! — также отшучивался Андрей Галактіоновичъ, подходя подь благословеніе къ батюшкѣ, и затѣмъ жестомъ руки приглашая его садиться въ кресло.

— Чѣмъ обязанъ вашему посѣщенію? Вотъ, правда, ужъ не ожидалъ, — да еще и въ писательской «мастерской»: вѣдь, вы къ современной безбожной и растлѣнной литературѣ относитесь отри-

цательно и съ скорбью, — а здѣсь тоже — «такъ сказать литература»... Хотя, увы! Я... Впрочемъ, что же это я сразу ужъ о себѣ?!.. Какъ вотъ Вы поживаете, батюшка? Кажется недѣли три у васъ не было... Только въ храмѣ и видишь, да за бесѣдой съ акаѳистомъ слушаешь васъ, — скоропалительно съ улыбкой говорил все это Андрей Галактіоновичъ.

— Литература то, литература-то нынѣшняя... Да-а... Но у васъ-то въ углу вонъ Божія Матерь. Смотрите, какими скорбными, какъ бы говорящими глазами глядитъ Заступница усердная! Вамъ-то не позволить она разлагать ея легкомысленныхъ несчастныхъ дѣтей, увы! — такъ падкихъ на современную, дѣйствительно, «такъ сказать литературу»... Мы, бывало, прежде къ книжкѣ-то относились съ благоговѣніемъ: написано вѣдь, а разъ написано, — свято. По нашей старой пословицѣ: ученье — свѣтъ; — а нынѣ — ужъ простите Андрей Галактіоновичъ, — вѣдь, «такъ сказать литература» эта просто, если хотите, губить и культуру, о которой всѣ тако ратуютъ на словахъ, въ этой же самой литературѣ. Что стали писать-то?! Боже мой, Боже мой! — закачалъ головой отецъ Владимиръ, и вздохнулъ: — вѣдь, просто къ вырожденію человѣка, — «человѣка» то — говорю, — ведутъ... вѣдь, животное пробуждаютъ въ немъ, страсти развиваютъ... Боже мой, Боже мой! — и батюшка опять вздохнулъ... И къ чему только мы идемъ?! «Уподобился скотамъ несмысленнымъ», — говорить святой псалмопѣвецъ... Вотъ именно..

— А знаете, батюшка? — уже безъ задора, съ прежней грустной задумчивостью заговорилъ Просвѣтовъ, — вы какъ будто угадали мои мысли: только предъ вашимъ приходомъ я думалъ о литературѣ, хотя немного по другому поводу.

Съ этими словами Андрей Галактіоновичъ, взявъ лежавшее на столѣ предъ батюшкой письмо, надѣлъ пенснѣ.

— Только что съ утренней почтой получилъ отъ своего редактора письмо... Впрочемъ, вы, батюшка, не заняты? Или, можетъ быть экстренное что?

— Нѣтъ, ничего, ничего... Еще съ полъ часика до уроковъ въ гимназіи осталось. Я ужъ отъ васъ прямо туда.

— Да вы сейчасъ то откуда?

— Только что съ ранней обѣдни, прямо изъ храма.

— Такъ вы и чаю еще не пили? -- и, не дожидаясь отвѣта, Просвѣтовъ позвонилъ.

— Да, чайку то хорошо бы, если не стѣсно васъ. — Въ это время вошла почтенная старушка съ добрымъ — добрымъ лицомъ, лѣтъ 60, но еще бодрая.

— Ахъ, это вы — мамаша? А гдѣ же Матрена?

— Она на рынокъ ушла, — ласково отвѣтила Агриппина Евгеніевна почтительно принимая благословеніе отъ отца Владимира и съ любовью цѣлуя руку его.

— Здравствуйте, здравствуйте, — привѣтливо улыбался батюшка. — Давно ужъ близко не видалъ васъ... Старики мы съ вами становимся.

— Мамаша! батюшку вотъ чаемъ угостить нужно, да и мнѣ за компанію принесите...

— Сейчасъ, сейчасъ, — заторопилась старушка, выходя изъ комнаты...

— Вы и вареньица тамъ и все прочее... — бросилъ въ догонку Просвѣтовъ.

— Хорошо, хорошо, — послышалось уже изъ-за дверей.

— Такъ вотъ... получилъ письмо: небольшое оно, а навело меня на думы немалыя.

«Глубокоуважаемый, Андрей Галактіоновичъ!

Ради Бога — вымогайте изъ бѣды: «сталъ мой жерновъ, мельница не служить». Статьи серьезные есть и хроника сносная; Вотъ докладъ «Толстой и школа» уже набирается... Не по вкусу онъ пришелся современному маловѣрью и полуанархистамъ-земцамъ, но, — Слава Богу, — еще не у всѣхъ вывѣтрился здравый смыслъ... Впрочемъ, я отвлекаюсь... Дѣло въ слѣдующемъ. На этотъ номеръ у меня въ «портфель» нѣтъ «самого главнаго», что требуетъ теперь публика... Разказа нѣтъ... Поймите, — въ разность и покупать не станутъ, вѣдь! Раскроютъ, увидятъ: разказа нѣтъ, — и строчки напечатаны не съ перерывами, безъ «разговоровъ», — ну, и бѣда! Въ прошломъ мѣсяцѣ такая же исторія была, — номера — до полтысячи — и сейчасъ валяются... Ради Бога, напишите поскорѣе, ну, хотя чего-нибудь о милосердіи итальянцевъ, или хоть о милосердіи турокъ. Или что-нибудь такое объ отцахъ и дѣтяхъ, изъ жизни школы, о современной молодежи. Все равно, рѣшительно все равно! Только бы разказъ, только бы были «разговоры», только бы строчки начинались съ отступленіями, да восклицательныхъ знаковъ съ вопросами понаставьте, гдѣ пужно... Теперь мнѣ кромѣ васъ еще не къ кому обратиться... Пожалуйста, не откажитесь... Ну, хоть на 5—10 страничекъ... Не оставьте. Буду признателенъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и полной надеждой и проч.».

И Просвѣтовъ положилъ письмо на столъ.

— Вотъ видите, батюшка... Получилъ я, да и задумался съ грустью.

— Да! есть чему задуматься...

— Не правда-ли?

Въ это время вошла съ подносомъ въ рукахъ Агриппина Евгеньевна, поставила его на столъ и хотѣла незамѣтно уйти.

— Посидите съ нами, — остановилъ ее батюшка, вопросительно поглядывая на Андрея Галактионовича.

— Садитесь, мамаша, садитесь, — пододвинулъ къ ней сынъ свой стулъ, а самъ взялъ другой. — Мы вотъ тутъ разговоръ о современномъ чтеніи затронули.

Старушка закивала головой какъ бы въ знакъ согласія и стала угощать батюшку, предлагая ему то варенья, то сливокъ, то булочку.

— Спасибо, спасибо, — вѣдь я не стѣсняюсь у васъ, хоть и рѣдко бываю: сердце вѣдь, матушка моя, и безъ словъ говорить. — а то и чрезъ слова, да скрывается. Впрочемъ, нынѣ люди чрезъ мѣру ужъ стали откровенны: намъ съ вами, Агриппина Евгеньевна, и не понять, что творится теперь.

— Да ужъ что и говорить... Вотъ и Андриуша все жалуется: и какъ это позволяетъ начальство писать? Бывало...

— Ну, мамаша, что бывало, тому видно не быть. Люди иные стали. Вотъ хотя бы о разсказѣ. Знаете, батюшка? прежде серьезнѣе люди были. Вѣдь, когда не было этой свободы отъ цензуры, читатель былъ будто строже; а теперь... или ужъ и сама литература растрвила людей? просто не читають серьезныхъ статей. О толстыхъ книгахъ и говорить нечего. Газета захватила людей! рѣчи, фельетоны, хроника, смѣсь, — да иногда еще передовицы, — вѣдь, вотъ чѣмъ питается современная читающая публика... Вы представьте: это значить люди отучились глубоко думать, глубоко жить! Это значить, вѣдь, жить моментомъ! Это — какое-то порханье, отрывающее человѣка отъ всего прочнаго! Бросьте вы публикѣ за десять грошей какую-нибудь чушь, разсказъ или драму, въ видѣ мизерной брошюрки, — да еще, увы, похищенной, — «Живой Трупъ», — и она читаетъ на расхватъ. Конечно, и имя много значить... Но я сейчасъ говорю о характерѣ лишь нашей литературы... Вы посмотрите: кто только нынѣ не пишетъ драмъ, разсказовъ, повѣстей, комедій? «Сборникъ Знанія» — гм... да развѣ это «Знаніе»? «Знаніе» — это что-то серьезное, солидное, — а тутъ какіе-то все разсказы, разсказцы и разсказики... Да, вѣдь, такихъ разсказовъ, — ну, честное слово, — любой гимназистъ накропаетъ сколько хочешь; только они вотъ еще не прозрѣли отъ прежняго обожанія книги, — а какъ прозрѣють, такъ и сами не хуже стануть сочинать. Да что гимназисты?! У меня одинъ знакомый есть изъ солдатъ-писарей; простой крестьянинъ: сочиняетъ разсказы, и печатають въ одномъ Петербургскомъ журналѣ. И, вѣдь, ничего нѣтъ легче: сѣлъ, обмакнулъ перо въ чернила и пускай его по

вѣтру; лишь бы мѣру знать. Публика довольна: привыкла жить легкимъ интересомъ, побасенками, разговорами, сплетнями, театрами, лишь бы забыться на время, лишь бы не думать серьезно. Вѣдь, вы посмотрите: много ли теперь самостоятельно мыслящихъ людей? много ли сильныхъ умовъ? просто всё, какъ одинъ, думаютъ... Всё ищутъ развлеченій только. Люди фельетонными сдѣлались... Это пустякъ!—скажутъ... Ахъ! если бы это былъ пустякъ! Въ томъ то и бѣда,—что значить у людей внутри, поймите, батюшка,—внутри, значить, содержанія нѣтъ. Ну, и забавляются рассказами, какъ дѣти игрушками. Ну, ужъ если нѣтъ внутри содержанія, то... не мнѣ васъ, батюшка, предупреждать, къ чему это поведетъ: въ пустой овинъ либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана. Кто хочетъ, тотъ и ѣздитъ по проѣзжей пустой головѣ... Вотъ вѣдь что грустно... Получилъ я письмо это,—и набѣжали вотъ видите какія думы... И приходится повторять ваши слова: куда только мы идемъ?! Если худа растлѣнная литература, какъ вы говорите, и съ чѣмъ, увы! нельзя не согласиться, то и фельетонность нынѣшняя, легкомысліе, взглядъ на литературу, какъ на развлеченіе, едва ли менѣе вреденъ... Тоже къ вырожденію ведетъ... Вѣдь, пожалуй, правы вы: культура то ума, стало быть, дѣйствительно, и здѣсь понижается... — А вѣдь, это дорогой Андрей Галактіоновичъ, одно съ другимъ связано: какъ только человѣкъ сходитъ съ серьезнаго, -- скажемъ религіозно-научнаго подвига, то онъ всенепремѣннѣйше пойдетъ за удовольствіями: уму вотъ рассказы понадобятся, а плотскому сердцу откровенная литература. Удовольствій все ищутъ нынѣшніе люди, а не труда, не подвига надъ собой и въ своихъ дѣлахъ. Вотъ и объясненіе современной и литературы и читателей. Ну, а вамъ братъ писатель, — конечно, не все еще, слава Богу; вотъ, вѣдь, и вы по иному смотрите, -- идетъ на встрѣчу: какъ это у васъ, интеллигентовъ то, тамъ говорится, по Марксу что ли: — спросомъ вызывается предложеніе; ну, а предложеніе, вѣдь, тоже съ своей стороны развиваетъ спросъ... Такъ и «сбюются люди, какъ пшеница» чрезъ рѣшето, по словамъ Спасителя. Суета, суета, — удовольствія, развлеченія, страсти... Да... плохія времена настали... Намъ, съ вами, Агрипина Евгеньевна, хоть жить то недолго осталось: скоро закроемъ глаза отъ всего этого. Упокоимся... А вотъ имъ-то еще въ рѣшетѣ этомъ придется помучиться. Придется еще и...

— Придется еще и «рассказъ» вотъ писать, — вдругъ перебилъ Андрей Галактіоновичъ... Грусти, не грусти, -- а писать придется.

— Да ужъ, такая доля ваша писательская: вы теребите публику, а публика васъ... Благо еще хоть рассказы иной разъ не худые бываютъ, уму-разуму учать... Да мало такихъ. Натурализмъ

этотъ самый пошелъ: все напоказъ выносится... И-и, Боже мой! Боже мой!

Въ комнатѣ наступило молчаніе... Батюшка допилъ чай: кусочекъ сахару, по-старинному въ шутку положилъ на донышко перевернутаго стакана: въ накладку онъ пить не любилъ, сладко казалось это человѣку стараго времени.

— Спасибо вамъ,—поклонился онъ старушкѣ. А я къ Вамъ, Андрей Галактіоновичъ, пришелъ собственно по поводу вотъ чего: голодовка начинается и въ нашемъ уѣздѣ понемногу работать. Пришла мнѣ мысль: основать хоть дружину, а по вашему — по иностранному «комитетъ», да какъ нибудь за дѣло приняться; пужно гостью эту встрѣтить не съ пустыми руками. Это дѣло не сразу обдумаешь: вотъ я и затѣмъ къ вамъ; вы подумайте, да вечеркомъ придите ко мнѣ, этакъ часиковъ въ 8. Я позову своихъ батюшекъ, да изъ гимназіи директора, — хорошій вѣдь, онъ у насъ, — предводитель дворянства пріѣдетъ, городского голову попрошу, благотворителя Длинноколова; авось, Богъ дастъ, и выйdetъ что... Такъ вотъ подумайте, да приходите. Еще и писательство ваше пригодится намъ. А пока что — спаси васъ Христось, я ухожу, — пора ужъ и въ гимназію. Такъ придете?

— Хорошо, хорошо! непременно! —

Просвѣтovy встали, подошли подъ благословеніе.

— Только вотъ разсказъ не задержалъ бы? спѣшно просить редакторъ то.

— Разсказъ-то? переспросилъ батюшка. — Да вотъ нашъ разговоръ то и опишите имъ, публикѣ-то этой, фельетонной. Пусть хоть черезъ разсказъ, какъ курицы, доброе сѣмечко склюютъ. А вопросовъ и восклицаній мы съ вами наговорили, чай, не мало... Такъ до свиданья. Прошу прощенія.

— Въ самомъ дѣлѣ! схватилъ эту мысль съ радостью Просвѣтовъ; и по выходѣ батюшки, когда старушка убрала посуду, онъ сѣлъ и наскоро воспроизвелъ для «Звѣзды» эту бесѣду, написалъ заглавіе: «Разсказъ», и съ разсылнымъ отправилъ редактору.

Поставивъ послѣднюю точку, Андрей Галактіоновичъ поднялъ отъ стола голову: на него изъ кіота смотрѣлъ грустный, грустный ликъ Божіей Матери, скорбными, какъ бы говорящими глазами глядѣвшей на суетный міръ и съ тою же грустью одобрявшей новое произведеніе вѣрующаго сотрудника «Звѣзды».

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Торжественное собраніе Православнаго Карельскаго Братства.

27 ноября сего года, въ 7 час. вечера, въ залѣ Выборгскаго русскаго реальнаго училища состоялось торжественное собраніе Православнаго Карельскаго Братства.

Къ началу собранія залъ былъ полонъ русской мѣстной и пріѣзжей публики; среди присутствующихъ находились комендантъ Выборгской крѣпости генераль-лейтенантъ Петровъ, Выборгскій губернаторъ и другія начальствующія лица.

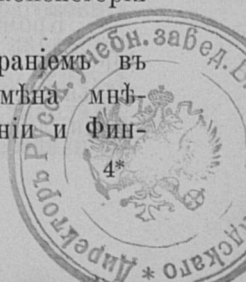
Ровно въ 7 часовъ прибылъ высокопреосвященный Сергій, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, и собраніе открылось пѣніемъ молитвы «Царю Небесный (знам. расп., перел. Львовскаго), тропаря Великомученику Георгію (греческ. распѣва) и благословеніемъ владыки.

Предсѣдатель совѣта братства, синодальный карельскій миссіонеръ, архимандритъ Кипріанъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности Карельскаго Братства, въ предѣлахъ Финляндской Карелии, за четвертый годъ, съ 1-го декабря 1910 года по 1-е декабря 1911 года.

Предъ присутствующими предстала картина дѣятельности братства за отчетное время.

Попечителемъ братства по финляндской епархіи состоялъ высокопреосвященный архіепископъ финляндскій и выборгскій Сергій. Въ составъ братства входили: 16-ть почетныхъ членовъ, 189—пожизненныхъ, 270—дѣйствительныхъ и 106 членовъ-соревнователей. Въ главномъ совѣтѣ состояли: въ качествѣ предсѣдателя, синодальный карельскій миссіонеръ, архимандритъ Кипріанъ, и членами протоіерей Н. Никольскій, епархіальный наблюдатель священникъ Г. Свѣтловскій, Начальникъ Инженернаго Управленія полковникъ В. И. Щегловъ, секретарь духовной консисторіи С. С. Каменскій и выборгскій купецъ И. Т. Акимовъ.

Отчетный годъ начался для братства общимъ собраніемъ въ селеніи Видлицахъ, на Олонецкой сторонѣ. Для обмѣна мнѣніями по дѣламъ братства собрались братчики изъ Олоныи и Фин-

ляндіи. Собраніе состоялось въ присутствіи финляндскаго и олоонецкаго архіереевъ, олоонецкаго губернатора и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Участники собранія покидали Видлицы съ полнымъ сознаниемъ правоты карельскаго дѣла, его святости и высокой исторической важности. Эти мысли и чувства нашли для себя непоколебимую опору въ высокомиловитивыхъ словахъ отвѣтной телеграммы Государя Императора: «Сердечно благодарю православное карельское братство за выраженную мнѣ преданность и молитвенныя благопожеланія. Цѣною его благотворную дѣятельность на пользу дорогой Родины. Николай».

По примѣру прежнихъ лѣтъ дѣятельность финляндскаго совѣта братства развивалась въ трехъ направленіяхъ: 1) просвѣтительномъ (издательство, школы, бібліотеки), 2) миссіонерскомъ и 3) благотворительномъ.

Въ дѣлѣ просвѣщенія карель совѣтъ братства придавалъ важное значеніе переводамъ на карельскомъ языкѣ и вслѣдствіе сего продолжалъ выпускать карельскія изданія. Эти изданія несутъ въ Карелію православно-русскій духъ; выясняютъ и закрѣпляютъ въ сознаніи карель то, чѣмъ они отличаются отъ финновъ-лютеранъ и приближаются къ православно-русскимъ братьямъ.

Особенное вниманіе совѣтомъ братства обращалось на школьное дѣло. Въ вѣдѣніи совѣта состоятъ слѣдующія школы: двѣ финскихъ въ деревняхъ Сонкаянранта и Луусаара, Иломанскаго прихода; Сонкаянрантская школа пользуется правами финской народной школы, а другая—дѣтская школа; и восемь русскихъ школъ по типу церковно-приходскихъ школъ въ Имперіи, изъ коихъ четыре находятся въ Салминскомъ приходѣ: въ деревняхъ Карку, Миналѣ, Канабрѣ и Кауносельгѣ, три въ Суоярвскомъ приходѣ: въ деревняхъ Мойсенваарѣ, Вуонделѣ и Леппяніеми и одна школа-пріютъ при Линтульскомъ женскомъ монастырѣ, Выборгской губ.

Въ отчетномъ году закончены постройкою и освящены особыя зданія для школъ Сонкаянрантской и Софійской. Въ постройкѣ зданія для послѣдней школы принимали участіе какъ мѣстные жители деревни Карку, такъ и жители сосѣднихъ деревень, также братья Хозяиновы В. Ѳ. и И. Ѳ. и монастыри Валаамскій и Копевскій; но, главную помощь въ дѣлѣ постройки этой школы оказалъ Г. Генераль - Губернаторъ Ф. А. Зейнъ, пожертвовавшій 3000 марокъ.

Кромѣ того Совѣтомъ братства приступлено къ двумъ новымъ школьнымъ постройкамъ въ деревняхъ Мойсенваарѣ и Миналѣ. Земельные участки для означенныхъ построекъ пожертвованы частными лицами, и обѣ постройки почти обезпечены средствами.

Школьное дѣло братства растеть, а еще болѣе растеть нужда въ русскихъ школахъ въ Карелии. Нѣтъ ни одной деревни въ пограничныхъ приходахъ, гдѣ не просили бы русской школы, и всюду встрѣчаютъ ее какъ желанную гостью.

За отчетное время совѣтомъ братства вновь открыто восемь библиотекъ, за предыдущіе годы открыто десять постоянныхъ библиотекъ и одна летучая. Библиотеками завѣдуютъ члены причта или же комитеты изъ народа. Библиотеки состояются главнымъ образомъ изъ изданій братствъ карельскихъ и Свв. Сергія и Германа на финскомъ, карельскомъ и русскомъ языкахъ. При библиотечкахъ ведется и торговля книгами.

Въ отношеніи миссіи отчетный годъ можно назвать самымъ счастливымъ. По ходатайству Его Высокопреосвященства въ отчетномъ году при Братствѣ открыты три миссіонерскія должности: одна помощника миссіонера и двѣ катихизаторскихъ. Нѣтъ такого уголка въ Карелии, гдѣ не побывали бы миссіонеры. Ихъ миссіонерскіе труды выражаются въ молитвѣ, проповѣди, обученіи церковному пѣнію, въ назидательныхъ чтеніяхъ, по большей части съ туманными картинами...

Важную помощь миссіи оказывали братскія и министерскія школы: онѣ самостоятельно составляли молитвенныя собранія по деревнямъ и участвовали въ богослуженіяхъ вмѣстѣ съ миссіонерами чтеніемъ и пѣніемъ.

Миссіонеры принимали участіе въ школьныхъ праздникахъ; послѣдніе въ нѣкоторыхъ приходахъ, напр. въ Салмѣ, отличались большой торжественностью.

Благотворительная дѣятельность братства выражалась въ поддержаніи интерната на 20 человекъ при Сонкаянрантской братской школѣ; при четырехъ братскихъ школахъ содержались небольшія аптечки для пользованія населенія; выдано пособіе бѣднѣйшимъ ученикамъ въ Куйваярвской дѣтской школѣ, находящейся въ самомъ далекомъ карельскомъ углу финляндской епархіи, на границѣ съ Архангельской Карелией, гдѣ бѣднѣйшіе ученики, по сообщенію учителя, питались хлѣбомъ, изготовленнымъ изъ муки, смѣшанной съ древесною корою.

Совѣтъ братства отправилъ въ Красвостокскій монастырь, Гродненской епархіи, 12-ть дѣвочекъ-карелонокъ съ тою цѣлью, чтобы ихъ провести чрезъ всѣ монастырскія школы, кончая церковно-учительской и сельско-хозяйственной, и тѣмъ самымъ подготовить для братскихъ школъ Карелии хорошихъ учительницъ - карелонокъ. Сверхъ того 8 дѣвочекъ-карелонокъ по собственному желанію живутъ въ монастырѣ въ качествѣ послушницъ и обучаются въ школахъ. Противники братства, финляндскіе агитаторы въ печати возвели на

совѣтъ братства такое обвиненіе, будто дѣвочки выкрадены миссіонерами помимо ихъ личной и родительской воли. Противъ виновныхъ возбуждено епархіальной властью законное преслѣдованіе за клевету судебнымъ порядкомъ.

Кромѣ того по бѣднымъ церквамъ и часовнямъ Кареліи Совѣтъ братства разослалъ много иконъ и разныхъ предметовъ церковной утвари.

Вообще очень широко поле для благотворительности среди бѣднаго карельскаго люда.

Состояніе денежныхъ суммъ братства за отчетное время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ остаткѣ къ 15 ноября 1910 года состояло: 6.147 руб. 44 коп. и 29.487 мар. 51 пен. За отчетное время поступило на приходъ: 6.435 руб. 95 коп. и 34.652 мар. 15 пен. За отчетное время израсходовано 2.593 руб. 71 коп. и 24.853 мар. 5 пен. Въ остаткѣ къ 15 ноября сего года значилось 17.489 руб. 68 коп. и 19.286 мар. 51 пен.

Въ заключеніе о. Кипріанъ сообщилъ, что начало новаго братскаго года совпадаетъ со столѣтіемъ отторженія отъ состава Россіи Выборгской губерніи и съ нею Восточной Кареліи, которая искони была православно - русскимъ достояніемъ и вся облита кровью нашихъ героевъ и самихъ карель, не желавшихъ безъ боя сдаваться въ руки враговъ съ Запада. Ревнителі финско-лютеранскаго похода въ Карелію готовятся возможно крикливѣе справить этотъ юбилей, который по существу является новой попыткой вытравить послѣдніе остатки православно-русской культуры на этой карельской окраинѣ. Карельскій народъ не поддастся въ своей массѣ насильственному офиненію и совращенію въ лютеранство. Онъ и теперь стоитъ во всей свѣжести своей православно-русской души и, переживъ эту мрачную годину отторженія, часть въ недалекомъ будущемъ радостнаго возвращенія.

По окончаніи отчета архимандритомъ Кипріаномъ было прочитано письмо Его Высокопревосходительства, Г. Финляндскаго Генераль - Губернатора съ привѣтствіемъ собравшимся членамъ Братства отъ него и его супруги.

Послѣ этого хоромъ было исполнено «Благослови душе моя, Господа» (донск. расп.), и настоятель Салминскаго прихода, священникъ К. Яковлевъ предложилъ чтеніе на тему «Карельское дѣло въ Салмѣ».

Салминскій приходъ, — по словамъ лектора — съ давнихъ поръ входилъ въ составъ Русскаго Государства. Въ писцовой книгѣ Водской пятины 1500 года «Салминскій Николаевскій погостъ» значится въ числѣ семи православныхъ погостовъ Карельскаго уѣзда Водской пятины, входившей въ составъ Новгородской области,

Стало быть еще во времена Великаго Новгорода Салминскіе карелы приняли православно-русскую культуру. Всѣ усилія шведовъ въ XVII ст. и затѣмъ совмѣстно шведовъ и финновъ въ XIX столѣтіи привить кареламъ Западную культуру имѣли лишь частичный успѣхъ. Въ массѣ же своей Салминскіе карелы остались вѣрными православно-русскимъ началамъ. Въ частности жилища салмяковъ и по внѣшнему виду и по внутреннему убранству болѣе похожи на избы Олонецкихъ крестьянъ, чѣмъ на избы финновъ. И обычаи у салмяковъ русскіе, такъ напр., они угощаютъ гостя чаемъ изъ самовара и съ русскими калачами.

Первая школа была основана въ Салминскомъ приходѣ въ 1848 году Громовымъ; она была русская. Много усилій употребляли финны къ тому чтобы преобразовать ее въ финскую, но безъ успѣха. Въ цѣляхъ офиненія и олютераненія карель финны насаждаютъ въ Салминскомъ приходѣ финскія школы. Послѣднія въ большинствѣ случаевъ достигаютъ своей цѣли. Учителя финскихъ школъ — питомцы Сердобольской учительской семинаріи — хотя и православные, не посѣщаютъ своего приходскаго храма, не научаютъ и дѣтей посѣщать храмъ Божій, а наканунѣ праздничныхъ дней устраиваютъ разнаго рода увеселительные вечера. Такіе учителя въ лицѣ подростоющаго поколѣнія готовятъ финновъ-лютеранъ.

Большое значеніе въ дѣлѣ проведенія финно-лютеранскихъ началъ въ народную среду имѣютъ смѣшанные браки. Православная дѣвица, выйдя замужъ за лютеранина, благодаря новой средѣ, нерѣдко ослабѣваетъ въ усердіи къ православному храму и православному порядку. Происшедшіе же отъ смѣшаннаго, гдѣ отецъ-лютеранинъ, дѣти крестятся, согласно мѣстнымъ узаконеніямъ, въ лютеранскую вѣру.

Въ Салминскомъ приходѣ давно идетъ борьба двухъ культуръ — финско-лютеранской и православно-русской. Въ заключеніе лекторъ выразилъ надежду на то, что старшіе братья — русскіе люди не оставятъ безъ помощи въ этой борьбѣ своихъ младшихъ братьевъ — карель.

По окончаніи рѣчи были исполнены хоромъ «Архангельскій гласъ» (тріо, Д. Бортиянскаго) и «Иже свѣтомъ Твоимъ» (стихира на Преображеніе, Валаамскаго распѣва).

Послѣ 15-ти минутнаго антракта, хоръ исполнилъ «Къ Богородицѣ прилежно» (А. Архангельскаго).

Затѣмъ членъ-учредитель Братства, секретарь Св. Синода П. П. Сребрянскій произнесъ рѣчь на тему «Задачи Карельскаго Братства», приблизительно слѣдующаго содержания.

Православное Карельское Братство не случайно возникло, а вызвано обстоятельствами времени. Во время такъ называемаго

освободительнаго движенія въ Россіи 1905 года у окраинъ явилось стремленіе къ обособленію. Финляндскіе сепаратисты задумали объединить всѣ финско-угорскія племена съвера Россіи и первыми дѣломъ финляндскихъ, архангельскихъ и олонецкихъ карель. Образуется «союзъ бѣломорскихъ карель», и былъ предпринятъ походъ на Карелію въ цѣляхъ ея офиненія и олютераненія.

Этотъ замыселъ финновъ и могущія отсюда произойти тяжелыя послѣдствія для православной Кареліи были своевременно замѣчены и усчитаны высокопреосвященнымъ архіепископомъ Сергіемъ и его сподвижникомъ архимандритомъ Кипріаномъ. И вотъ для борьбы съ панфинско-лютеранскою пропагандой въ Кареліи и возникло Карельское Братство.

Братство, стало быть, имѣетъ значеніе не только мѣстное, но и общегосударственное, потому что оно старается защитить православно-русскія начала въ Кареліи. Поэтому-то Братство и встрѣтило живое сочувствіе во всѣхъ углахъ нашего обширнаго отечества, отовсюду стали поступать пожертвованія въ пользу Братства; и притокъ ихъ не уменьшается и по настоящее время.

Финляндскіе же сепаратисты съ ненавистью отнеслись къ Братству.

Въ финскихъ газетахъ появились всевозможныя инсинуаціи на Братство и его учредителей. Эти инсинуаціи перепечатаются и въ русскихъ газетахъ лѣваго направленія. Но здравомыслящіе русскіе люди, конечно, въ силахъ разобраться, гдѣ въ этихъ писаніяхъ — правда и гдѣ начинается ложь.

Сочувствіе русскаго общества задачамъ Братства и довѣрчивое отношеніе къ Братству Карель ободраетъ его дѣятелей.

Мы видимъ, что за четыре года своей дѣятельности Братство немало сдѣлало на пользу Кареліи. Лекторъ закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ успѣха ему въ будущемъ.

По окончаніи рѣчи былъ хоромъ исполненъ «Гимнъ Св. Равноапостольному Князю Владиміру» (соло, муз. Архангельскаго).

Затѣмъ высокопреосвященный архіепископъ Сергій обратился къ присутствующимъ съ нѣсколькими словами: поблагодарилъ за сочувствіе задачамъ Братства, указалъ, что дѣятельность Братства за первые четыре года его существованія — только начало дѣла, что впереди работы предстоитъ много и что, сочувствіе общества очень важно для дѣятелей Братства; сообщилъ, что при представленіи Его Высокопреосвященства Государю Императору, Самъ Государь изволилъ интересоваться дѣятельностью Братства и выразилъ желаніе имѣть знакъ Братства; въ заключеніе Владыка предложилъ прошѣть «Многая лѣта» Государю Императору.

Хоромъ были исполнены «Многая лѣта» (знамен. расп., перел. Д. Соловьева) и гимнь. То и другое было прослушано присутствующими стоя.

Затѣмъ комендантъ крѣпости предложилъ пропѣть «многая лѣта», Архипастырю, архимандриту Киприану и другимъ дѣятелямъ Братства.

Пѣли «многая лѣта» и всѣмъ членамъ Братства.

Пѣснопѣнія исполнялись хоромъ архіерейскаго дома и любителями подь управленіемъ діакона П. С. Акимова; подобраны они были удачно и исполнены стройно; вслѣдствіе чего и прослушаны были публикою съ полнымъ удовлетвореніемъ.

Благодаря дѣятельности Карельскаго Братства и его нѣкоторымъ изданіямъ русскіе люди вспомнили о Карелии; послѣдняя перестала быть terra incognita (невѣдомою страню). Собранія Братства, подобныя вышеописанному, даютъ возможность и широкой публикѣ знакомиться съ исторіею Карелии и съ бытомъ Карель въ настоящее время.

А. Ш—хъ.

ОТЧЕТЪ

Комитета Православнаго Финляндскаго Братства во имя Преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ Чудотворцевъ за 1910—1911 братскій годъ.

(Двадцать шестой годъ).

Въ началѣ отчетнаго года Братство получило новую редакцію своего устава, которой устанавливались болѣе близкія отношенія Комитета къ мѣстному Епархіальному Начальству. По прежде дѣйствовавшей редакціи, постановленія Комитета входили въ силу безъ утвержденія Епархіальнаго Архіерея, что нарушало изданныя Св. Синодомъ Правила объ отношеніи церковной власти къ обществамъ и союзамъ, возникающимъ въ нѣдрахъ православной церкви (18-го 25-го ноября 1906 года). Теперь въ измѣненной редакціи устава, это утвержденіе непременно требуется и кромѣ того, Епархіальный Архіерей сохраняетъ за собой право назначать безсрочно предсѣдателя Комитета. Въ остальномъ Братство осталось при прежнихъ цѣляхъ и способахъ своей дѣятельности: всеми доступными средствами содѣйствовать религіозно нравственному просвѣщенію православныхъ жителей Финляндіи въ духѣ Православной Церкви.

Въ отчетномъ году въ Братствѣ состояло 37 пожизненныхъ членовъ (36 прежнихъ и одинъ вновь записавшійся) и 101 годовыхъ членовъ.

Согласно § 5 устава Братства дѣлами послѣдняго управлялъ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ архимандрита Кипріана, по назначенію Его Высокопреосвященства. Членами Комитета состояли: протоіерей М. Н. Казанскій, Н. П. Никольскій, П. И. Петровскій, П. О. Забѣлинъ (казначей) и коммерціи совѣтникъ О. И. Сергѣевъ.

Кандидатами въ члены Комитета состояли: преподаватель русскаго реального училища въ г. Выборгѣ, И. И. Симоновъ, и купецъ Д. М. Маркеловъ.

Собраній Комитета въ отчетномъ году было семь.

Кромѣ Комитета, въ Братствѣ въ отчетномъ году имѣлись

еще слѣдующія учрежденія: Редакціонная коммисія, Коммисія для изданія мелкихъ вѣроучительныхъ брошюръ, Главный книжный складъ въ г. Сердоболѣ, Сердобольская и Выборгская ревизіонныя коммисіи.

Для распространенія чрезъ продажу среди православнаго населенія Финляндіи изъ братскаго склада книгъ, брошюръ, иконъ и нагрудныхъ крестиковъ, Братство въ отчетномъ году имѣло 29 агентовъ и коммисіонеровъ. Безплатнымъ, согласно постановленіямъ Братства отъ 30-го ноября 1900 года и 18-го іюня 1909 г., отпускомъ финскихъ изданій Братства и таковыми же изданіями Св. Синода за счетъ Братства пользовались четыре бібліотеки.

Въ отчетномъ году Братствомъ изданы на финскомъ языкѣ: православный календарь на 1911 годъ и 3-й выпускъ бесѣдъ Архіепископа Черниговскаго Филарета; кромѣ того, отпечатанъ уставъ Братства на финскомъ и русскомъ языкахъ.

На проценты отъ двухъ фондовъ имени Антонія, перваго Архіепископа Финляндскаго, въ отчетномъ году, согласно поступившимъ въ Комитетъ Братства прошеніямъ и ходатайствамъ, съ сѣ утвержденія Его Высокопреосвященства, были произведены слѣдующіе расходы:

Оказано пособіе шести учащимся Сердобольской Учительской семинаріи и курсовъ для подготовки учителей и учительницъ дѣтскихъ школъ на общую сумму въ 500 марокъ.

Выдана стипендія ученику русской министерской двухклассной школы въ д. Тулемѣ, Салминскаго прихода, Николаю Васильеву въ 120 мар.

Отпущено на покрытіе долга Іоансуской церкви 406 мар.

Выдано на ремонтъ трехъ часовенъ въ Иломанскомъ и Кидельскомъ приходахъ и на покрытіе долга по постройкѣ часовни въ д. Мигли, Сердобольскаго прихода 1.300 мар.

Отпущено въ пособіе Карельскому Братству на достройку школъ въ д. д. Сонкаянранта и Карку 1.400 мар.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, отпущено Сонкаянрантскому обществу молодежи на разъѣзды въ районѣ его дѣятельности для развитія въ народѣ общецерковнаго пѣнія 200 мар.

На содержаніе существующихъ при Братствѣ учителей общенароднаго церковнаго пѣнія и въ пособіе псаломщику Сердобольскаго прихода, С. Окулову, 487 мар. 30 пен.

На поѣздку о. діакона П. С. Акимова въ г. Сердоболь для провѣрки предполагаемой къ новому изданію нотной литургіи на финскомъ языкѣ и на покрытіе расхода по поѣздкѣ учениковъ Тулемской русской школы для пѣнія на освященіи церкви въ д. Оружьярви 60 мар.

На приобретение русских и финских нотных изданий для дѣтскихъ и братскихъ школъ епархіи 154 мар. 93 пен.

Краткій денежный отчетъ по главному книжному складу.

П Р И Х О Д Ъ.

Къ 1-му іюля 1910 года оставалось за складомъ . . . 3 м. 46 п.

Въ теченіе отчетнаго года поступило:

а) отъ продажи братскихъ изданий	479 » 34 »
б) отъ продажи частныхъ изданий	114 » 45 »
	<hr/>
Итого	611 м. 80 п.

Р А С Х О Д Ъ.

Жалованье завѣдующему складомъ	120 м. — п.
Страховка отъ огня	30 » — »
Почтовые, транспортные и канцелярскіе расходы	76 » 44 »
Въ Сердобольскую типографію за Аарінен	340 » — »
	<hr/>
Итого	566 м. 44 п.

Въ остаткѣ къ 1-му іюля 1911 года . . . . . 45 м. 36 п.

ВСЕГО . . . . . 611 м. 80 п.

При томъ же складѣ за проданныя иконы и нагрудные крестики къ 1-му іюля 1910 г. оставалось	11 м. 61 п.
Въ теченіе отчетнаго года поступило отъ агентовъ и за проданное изъ склада	122 » 10 »
	<hr/>
Итого	133 м. 71 п.

Изъ этой суммы израсходовано:

На страховку	2 м. 40 п.
На пересылку вещей изъ склада	2 » 06 »
	<hr/>
Итого	4 м. 46 п.

Въ остаткѣ къ 1-му іюля 1911 года . . . . . 129 м. 25 п.

ВСЕГО . . . . . 133 м. 71 п.

Краткій отчетъ о движеніи спеціально братскихъ свободныхъ суммъ:

П Р И Х О Д Ъ.

Къ 1-му іюля 1910 года оставалось:

Билетами	7.703 р. — к. — м. — п.
Наличными	4 » 53 » 67 » 03 »

Къ сему поступило по 1-е іюля 1911 года:

Наличными	241 р. 92 к. 1.543 м. 64 п.
Оборотными	— » — » 559 » 10 »

Итого . . . . . 7.949 р. 45 к. 2.169 м. 77 п.

Р А С Х О Д Ъ.

Израсходовано въ теченіе года:

Наличными	60 р. 03 к. 1.231 м. 25 п.
Оборотными	— » — » 559 » 10 »

Итого . . . . . 60 р. 03 к. 1.790 м. 35 п.

Въ остаткѣ къ 1-му іюля 1911 года:

Билетами	7.703 р. — к. — м. — п.
Наличными	186 » 42 » 379 » 42 »

ВСЕГО . . . . . 7.949 р. 45 к. 2.169 м. 77 п.

Краткій денежный отчетъ о состояніи денежныхъ суммъ по фондамъ имени Антонія, перваго Архіепископа Финляндскаго.

I. Просвѣтительно-благотворительный фондъ.

П Р И Х О Д Ъ.

Къ 1-му іюля 1910 года оставалось:

Билетами	19.198 р. — к. — м. — п.
Наличными	— » — » 2.887 » 28 »

Къ сему по 1-е юля 1911 года поступило:

Наличными	— р. — к. 1.963 м. 23 п.
Возвращено изъ 'спеціально-братскихъ суммъ въ уплату части оставшагося долга въ 1.000 м.	— » — » 50 » — »
Итого	19.198 р. — к. 4.900 м. 51 п.

Р А С Х О Д Ъ.

Израсходовано въ теченіе года:

Наличными	— р. — к. 3.735 м. 65 п.
Въ остаткѣ къ 1-му юля 1911 года:	
Билетами	19.198 р. — к. 1.164 м. 86 п.
ВСЕГО	19.198 р. — к. 4.900 м. 51 п.

2. Пѣвческій фондъ.

П Р И Х О Д Ъ.

Къ 1-му юля 1910 года оставалось:

Билетами	9.599 р. — к. — м. — п.
Наличными	— » — » 1.956 » 48 »

Въ теченіе года поступило:

Наличными	— р. — к. 1.006 м. 60 п.
Итого	9.599 р. — к. 2.963 м. 08 п.

Р А С Х О Д Ъ.

Израсходовано въ теченіе года:

Наличными	— р. — к. 903 м. 98 п.
Въ остаткѣ къ 1-му юля 1911 года:	
Билетами	9.599 р. — к. 2.059 м. 10 п.
ВСЕГО	9.599 р. — к. 2.963 м. 08 п.

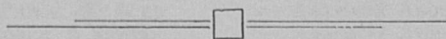
СОДЕРЖАНІЕ:

Стран.

1. Основное заблужденіе католичества и протестантства. (Изъ академическихъ лекцій). Архіеп. Сергія . 3—20
2. О Пастырствѣ. (Мысли изъ дневника о. Іоанна Кронштадтскаго) . . . . . 21—32
3. Что такое «живое» проповѣдническое слово. Іером. Веніамина . . . . . 33—44
4. «Разсказъ» . . . . . 45—50
5. Епархіальная хроника. Торжественное епархіальное собраніе Православнаго Карельскаго Братства . . . 51—57
6. Отчетъ Комитета Православнаго Финляндскаго Братства во имя Преподобныхъ Сергія и Германа за 1910—1911 годъ . . . . . 58—62

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Издательство Е. И. ФЕСЕНКО, Одесса.

Извѣстно, какое важное мѣсто въ ряду прочихъ религіозно-просвѣтительныхъ средствъ занимаютъ священныя изображенія въ быту нашего малограмотнаго и малопросвѣщеннаго простолюдина. Въ наглядномъ образѣ онѣ даютъ ему духовную пищу, питающую въ немъ религіозное чувство, утѣшающую и назидующую его во всѣхъ случаяхъ жизни. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи принадлежить именнымъ изображеніямъ святыхъ, имена которыхъ даются крещаемымъ. Но какъ часто значеніе это остается неиспользованнымъ только потому что крестившійся не знаетъ жизни и христіанскихъ добродѣтелей своего небеснаго покровителя, которыми хотѣлъ-бы подражать, или не видитъ предъ собой священнаго лика его! Эта мысль о высокой духовной пользѣ именныхъ иконныхъ изображеній побудила меня приступить къ изданію таковыхъ по прилагаемому здѣсь образцу. На обратной сторонѣ образка приведено краткое житіе святого и оставлено вѣскольکو строкъ съ соотвѣтствующими печатными заголовками для записи главныхъ метрическихъ свѣдѣній крестившагося. Послѣднимъ добавленіемъ достигается и чисто практическая цѣль: вмѣстѣ съ правильнымъ начертаніемъ имени и фамилии крестившагося—поглубже запечатлѣтъ въ его памяти всѣ существенныя данныя, относящіяся къ его рожденію и крещенію, этому первому и вмѣстѣ важнѣйшему акту жизни, а приходскому клиру облегчить наведеніе метрическихъ справокъ для воинской повинности, вѣчянія и проч.

Въ цѣляхъ широкаго распространенія въ народѣ предлагаемаго изданія мною обращено особенное вниманіе на то, чтобы въ немъ нашли сильное удовлетвореніе всѣ предъявляемые къ подобнымъ изданіямъ требованія, какъ со стороны доступности цѣны, такъ и въ особенности въ отношеніи художественнаго исполненія его въ древнемъ, исконно православномъ и строго церковномъ духѣ.

Списокъ изображеній Св. Иконъ для раздачи при крещеніи младенцевъ.

Изображенія Св. Иконъ форматомъ $2\frac{1}{2} \times 3$ вершка отпечатаны на плотной бумагѣ масляными красками, лакированы, наклеены на плотную папку. На оборотѣ изображенія напечатано краткое житіе святого и соотвѣтствующія строки для текста.

МУЖСКІЯ ИМЕНА:

- Св. Аврамій Болгарскій. 1 апр.
- Адрианъ, мучен. 3 февр.
- Агафонъ, папа Римск. 20 февр.
- Адрианъ Пошехонск. 5 марта.
- Александръ Кущтск. 9 іюня.
- Александръ Невскій. 23 ноября, 30 августа.
- Ананія, апост. 4 января.
- Архиппъ, апостоль, 4 января.
- Александръ Свирск. 30 августа.
- Алексій, Митроп. Моск. 12 февр.
- Алек'й, челов. Божій. 17 марта.
- Андрей, апостоль. 30 ноября.
- Андрей Критскій. 17 октября.
- Антипа, священномуч. 11 апрѣля.
- Антоній Великій. 17 января.
- Антоній Печерскій. 10 іюля.
- Арсеній Великій. 8 мая.

- Св. Артемій, великомуч. 20 октября.
- Артемій Веркольскій. 23 іюня.
- Аѳанасій Аѳонскій. 5 іюня.
- Аѳанасій Лубенскій. 24 октября.
- Аркадій Преподоб. 26 января.
- Антоній Римлян. 3 августа.
- Борисъ, мучен. 2 мая, 24 іюля.
- Всеволодъ, Вел. кн. 11 февраля, 22 апрѣля.
- Варсонофій Тверск. 4 октября.
- Василій Великій. 1 и 30 января.
- Василій Рязанскій. 21 мая.
- Василій юродивый. 2 августа.
- Владиміръ Равноап. 15 іюля.
- Власій, священномуч. 11 февраля.
- Вонифатій, мученикъ. 19 декабря.
- Гавриилъ, арханг. 26 марта.
- Георгій Побѣдон. 23 апрѣля.

Св. Герасимъ. 4 марта.
 --- Германъ, Архіеп. Казанскій. 6 ноября.
 --- Глѣбъ, мучен. 2 мая, 24 іюля.
 --- Григорій Богословъ. 25 и 30 января.
 --- Григорій, Пельшем. 30 сентября.
 --- Гурій, муч. 15 ноября.
 --- Гурій, Архіеп. Казан. 4 октября.
 --- Даниилъ, Бл. Вел. кн. Моск. 4 мар.
 --- Давидъ Герадкійск. 26 января.
 --- Даміанъ. 1 ноября.
 --- Діонисій, священном. 3 октября.
 --- Дмитрій Солунск. 26 октября.
 --- Дмитрій Ростовскій. 21 сентября, 28 октября.
 --- Евгеній, св. преп. 12 февраля.
 --- Евдокимъ, праведн. 31 іюля.
 --- Евоимій Великій. 20 января.
 --- Евоимій Суздальскій. 1 апрѣля.
 --- Евстафій Плакида. 20 сентября.
 --- Елевѳерій, св.-муч. 15 декабря.
 --- Ефремъ, Преподобн. 28 января.
 --- Емилианъ, муч. 18 іюля.
 --- Захарія, пророкъ. 18 февраля.
 --- Зосима Соловецк. 17 апрѣля.
 --- Зиновій, священномуч. 30 октября.
 --- Игнатій Богоносецъ. 21 января,
 --- Ілія, пророкъ. 26 іюля.
 --- Иннокентій Иркутск. 20 ноября.
 --- Исаакій Далматскій. 30 мая.
 --- Исидоръ, мучен. 14 мая.
 --- Иларіонъ Великій. 21 октября.
 --- Іоакимъ Богоотецъ. 9 сентября.
 --- Іоаннъ Богословъ. 8 мая и 26 сент.
 --- Іоаннъ Воинъ. 30 іюля.
 --- Іоаннъ евангелистъ. 26 сентября.
 --- Іоаннъ Креститель. 7 января, 24 февраля, 24 іюня, 29 августа, 23 сентября.
 --- Іоаннъ Златоустъ. 27 января и 13 ноября.
 --- Іаковъ, апостоль. 4 января.
 --- Іовъ Почаевскій. 28 октября.
 --- Іовъ Ушельскій. 3 ноября.
 --- Іосифъ Волоцкій. 9 сентября.
 --- Іуліанъ преподобный. 21 іюня.
 --- Іоасафъ Вѣлгородскій.
 --- Карпъ, апостоль. 26 мая.
 --- Кириллъ, Вѣлозерск. 9 іюня.
 --- Кириллъ, первоуч. сл. 11 мая.
 --- Кириянъ, преп. 27 мая.
 --- Климентъ, папа Рим. 23 января.
 --- Косма Безребр. 1 іюля, 1 ноября.
 --- Константинъ, царь. 21 мая.
 --- Кодратъ, апостоль. 4 января.
 --- Лаврентій, мучен. 10 августа.
 --- Леонтій свят. 23 мая.
 --- Лавръ, мучен. 18 августа.
 --- Лонгинъ, сотникъ. 16 октября.
 --- Лука, евангелистъ. 4 янв. и 22 апр.
 --- Леонидъ, муч. 16 апрѣля.
 --- Макарій Римлян. 15 августа
 --- Максимъ, мучен. 6 февраля.
 --- Макарій, Овручскій. 19 января.
 --- Маркъ, евангелистъ. 25 апрѣля.

Св. Матѳей, евангелистъ. 16 ноября.
 --- Меѳодій, еп. Морав. 6 апрѣля и 11 мая.
 --- Мина, мучен. 10 декабря.
 --- Миронъ, Критскій. 8 августа.
 --- Мирофанъ, Ворон. 6 августа, 23 ноября.
 --- Михайлъ Архистрат. 8 ноября.
 --- Михайлъ, Кн. Тверск. 22 ноября.
 --- Макарій, митроп. Кіев. 1 мая.
 --- Модестъ, Арх. Іерус. 18 декабря.
 --- Никита столпникъ. 24 мая.
 --- Николай чудотворецъ. 9 мая и 6 декабря.
 --- Николай, Святоша. 14 октября.
 --- Никифоръ, Преподоб. 19 апрѣля.
 --- Никаноръ, апост. 4 января.
 --- Никодимъ прав. 2 августа.
 --- Онуфрій Египетскій. 12 іюня.
 --- Онисимъ, апост. 4 января.
 --- Поликарпъ, свящ.-муч. 23 февр.
 --- Павелъ, апостоль. 29 іюня.
 --- Пантелеимонъ, великомуч. 27 іюля.
 --- Пафнутій Боровскій. 1 мая.
 --- Пахомій Великій. 15 мая.
 --- Петръ, ап. 16 января, 29 іюня.
 --- Проконій, Устюжскій. 8 іюля.
 --- Паисій Углич. 6 іюня.
 --- Порфирій, мучен. 10 февраля.
 --- Прохоръ, ап. 4 января.
 --- Рафаиль, арханг. 8 ноября.
 --- Романъ, Препод. 1 октября.
 --- Софроній, патр. Іер. 11 марта.
 --- Савва освятенный. 5 декабря.
 --- Савва Псковскій. 28 августа.
 --- Самсонъ, страннопр. 27 іюня.
 --- Севастьянъ, мучен. 26 февраля.
 --- Сергій Радонежскій. 25 сентября.
 --- Серафимъ Саровскій. 2 января и 19 іюля.
 --- Симеонъ Верхотурск. 12 сентября.
 --- Симеонъ Мироточив. 13 февраля.
 --- Симеонъ Столпникъ. 24 мая.
 --- Симонъ Кананитъ. 10 мая.
 --- Спиридоній Тримиф. 12 декабря.
 --- Стефанъ, первомуч. 27 декабря.
 --- Стефанъ Пермскій. 26 апрѣля.
 --- Стефанъ Сурожскій. 15 декабря.
 --- Стефанъ Сербскій. 11 ноября.
 --- Трифонъ, муч. 1 февраля.
 --- Тихонъ Задонскій. 13 августа.
 --- Тихонъ Калужскій. 16 іюня.
 --- Тимоѳей, апостоль, 22 января.
 --- Трофимъ, священном. 16 марта.
 --- Тарасій, Арх. Конст. 25 февраля.
 --- Терентій, муч. 10 апрѣля.
 --- Филиппъ, апостоль. 14 ноября.
 --- Флоръ, мученикъ. 18 августа.
 --- Харитонъ, препод. 28 сепября.
 --- Харлампій, священном. 10 февраля.
 --- Ѳеодосій Печерскій. 3 мая.
 --- Ѳеодосій Угличскій. 5 февраля и 9 сентября.
 --- Ѳеодоръ Тиронъ. 17 февраля.
 --- Ѳома, апостоль. 30 іюня.

ЖЕНСКІЯ ИМЕНА:

Св. Агафія, мучен. 5 февраля.
— Агриппина, мучен. 23 іюня.
— Акилина, мучен. 7 апрѣля и 27 сентяб.
— Александра, мучен. 23 апрѣля.
— Анастасія, великомуч. 22 декабря.
— Аписія, муч. 30 декабря.
— Анна пророчица. 9 декабря.
— Анна Кашинская. 12 іюня.
— Антонина, мученица. 1 марта.
— Анастасія Римлянка. 29 октября.
— Валентина, муч. 16 іюля.
— Варвара, великомуч. 4 декабря.
— Висилисса, мученица. 10 марта.
— Вѣра, Надежда, Любовь и Софія. 17 сентября.
— Вѣра, мученица. 17 сентября.
— Глафира, мучен. 26 апрѣля.
— Гликерія, мученица. 13 мая.
— Дарія, мученица. 19 марта.
— Домна, мученица. 3 сентябрі.
— Евгенія, муч. 24 декабря.
— Евдокія, мученица. 1 марта.
— Евфросинія Полоцк. 23 мая.
— Екатерина, великомуч. 24 ноября.
— Елена, царица. 21 мая.
— Елисавета, пророч. 5 сентября.
— Зинаида, мученица. 11 октября.
— Зиновія, муч. 30 октября.
— Зоя, преп. 13 февраля.
— Иларія, муч. 19 марта.
— Ирина, муч. 16 апрѣля.
— Іуліанія, мученица. 20 марта.
— Іулія, муч. 18 мая.
— Іулитта, муч. 15 іюля.
— Істина, муч. 2 октября.
— Капитолина, муч. 27 октября.

Св. Клавдія, муч. 20 марта.
— Клеопатра, препод. 19 октября.
— Ксенія, преподобная. 24 января.
— Лидія, мучен. 23 марта.
— Лукія, мучен. 6 іюля.
— Людмила, мученица. 16 сентября.
— Любовь, мученица. 17 сентября.
— Мавра, муч. 3 мая.
— Марія Магдалина. 22 іюля.
— Марія Египетская. 1 апрѣля.
— Марина, преподобн. 28 февраля.
— Марѳа, преподобн. 4 іюля.
— Матрена, мучен. 20 марта.
— Маріамна, мучен. 17 февраля.
— Меланія, преп. 31 декабря.
— Надежда, мученица. 17 сентября.
— Наталія, мученица. 26 августа.
— Нина, просвѣт. Груз. 14 января.
— Ольга, равноапостол. 11 іюля.
— Олимпиада. 25 іюля.
— Параскева, великом. 28 октября.
— Пелагія, преподоб. 8 октября.
— Пульхерія, царица. 10 сентября.
— Серафима, мучен. 29 іюля.
— Соломонія, муч. 1 августа.
— Сусанна, муч. 11 августа.
— Стефанида, мучен. 11 ноябрѣ.
— Софія, мученица. 17 сентября.
— Татіана, мучен. 12 января.
— Харитина, препод. 5 октября.
— Христина, мучен. 13 марта.
— Феодора, препод. 5 апрѣля.
— Феодосія, мучен. 20 марта.
— Фекла, мучен. 24 сентября.
— Теофанія, бл. 16 декабря.
Ангель Хранитель
Образъ Всѣхъ Святыхъ.

Цѣна каждому изображенію 5 к., 100—5 р., 1000—50 руб.

(Имена можно получать только указанные здѣсь).

Съ требованіями просимъ обращаться по слѣдующему адресу:

Типографія и Хромофотографія Е. И. ФЕСЕНКО въ Одесѣ,

Ришельевская улица, собственный домъ, № 49.

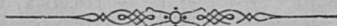

На **НОВЫЙ 1912** годъ

ДРУГЪ ХРИСТІАНИНА

православный стѣнной отрывной календарь, составленный
всвщ. В. РУДЕНКО и Редакціей «Миссіонерскаго Обозрѣнія»
и изданный В. М. СКВОРЦОВЫМЪ

съ 1 октября поступаетъ въ продажу.

Календарная литература является самымъ доступнымъ и удобнымъ орудіемъ для проведенія въ широкіе слои грамотной среды тѣхъ или другихъ идей, знаній, свѣдѣній и сообщеній. А потому на книжномъ рынкѣ можно встрѣтить множество календарей всевозможныхъ видовъ, содержанія и назначенія.

Особенной распространенностью пользуются отрывные стѣнные календари. Но среди стѣнныхъ отрывныхъ календарей доселѣ не было календаря строго-православнаго евангельскаго духа и содержанія.

Въ виду широкаго распространенія по городамъ и весямъ св. Руси въ послѣдніе годы всяческихъ сектантскихъ и атеистическихъ лжеученій, православными пастырями и мірянами заявлена давно нужда въ изданіи такого стѣннаго календаря, который бы сѣялъ на русской вѣрующей нивѣ семейной и общественной жизни сѣмена здраваго религіознаго и нравственнаго ученія и охранялъ бы отъ сектантскихъ заблужденій вѣрующій православный народъ.

Евангелики-баптисты вотъ уже шестой годъ издаютъ и широко распространили не только среди своихъ послѣдователей, но и въ православномъ населеніи свой «евангелическій календарь», подъ названіемъ «Семейный Другъ».

Подъ личиною православной внѣшности, этотъ сектантскій календарь навязываетъ православному читателю неправое ученіе о спасеніи человѣка одною вѣрою, безъ личныхъ подвиговъ благочестія, совершенно умалчивая о возрождающей силѣ благодати церковныхъ таинствъ и проч.

Миссія давно признала необходимымъ издать свой православный миссіонерскій календарь для народа.

И вотъ въ противовѣсъ такому-то вѣроломному сектантскому ухищренію, а также стремясь не только чрезъ свои періодическія изданія, «Колоколъ» и «Мис. Об.», а и путемъ летучей календарной литературы, шире сѣять въ народъ здравое сѣмя ученія православной вѣры,—я въ 1911 г. выпустилъ въ свѣтъ стѣнный православный календарь подъ названіемъ «Другъ Христіанина», который предназначенъ быть евангельскимъ огражденіемъ православнаго христіанина отъ религіозныхъ лжеученій.

Появленіе въ свѣтъ «Друга христіанина»—принято было общимъ сочувствіемъ и лестною похвалою.

Училищный совѣтъ при Св. Синодѣ одобрилъ новый календарь къ пріобрѣтенію въ церковно-школьныя бібліотеки.

Особенно горячо привѣтствовало новое наше изданіе приходское духовенство.

Изъ множества лестныхъ отзывовъ и благодарственныхъ писемъ издателю, приведемъ печатный откликъ священника о. Бесѣда въ № 5. «Мисс. Обоз.» за 1910 г.

«Глубокаго сочувствія и похвалы заслуживаетъ новое изданіе редакціи «Миссіонерскаго Обозрѣнія» «Другъ Христіанина». Едва только я получилъ его въ руки, я увидѣлъ, что я обогатился неисчерпаемымъ количествомъ темъ для проповѣдей и могучимъ орудіемъ широкаго распространенія миссіонерскихъ познаній. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ пастырей, утомившись до полнаго упадка силъ отъ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ, не спрашивалъ себя съ тоской: а о чемъ я скажу проповѣдь завтра. Я утомленъ смертельно, читать длинныя проповѣди и выискивать подходящую у меня нѣтъ силъ, сочинить свою сейчасъ не въ состояніи, ахъ, что я завтра скажу?» Правда есть журналы (проповѣдническіе) съ проповѣдями на каждый праздникъ, но въѣд приходится часто служить и не по праздникамъ и въ такомъ случаѣ проповѣди не найдешь, можно раскрыть сотни проповѣдническихъ книгъ и не найти желаемаго. Но здѣсь «Другъ Христіанина» приходитъ съ своей драгоценной помощью. Нѣтъ дня, на который не было бы дано темы. Если священникъ можетъ проповѣдывать устно, онъ пользуется листкомъ, какъ основой проповѣди, пояснить содержаніе листка обширнѣе, подробнѣе, внести воодушевленіе и личныя духовныя переживанія и т. д. Если священникъ ведетъ проповѣдь только по книгѣ, то опять же календарь для него неистощимый кладезъ поученій. Дальше. Если священникъ и имѣетъ въ маломъ приходѣ всегда время приготовить одну собственную проповѣдь, то двѣ и три едва ли въ состояніи. Между тѣмъ тамъ, гдѣ интересъ къ проповѣди большой, не мѣшаетъ сказать краткое поученіе на утренѣ и на вечернѣ. И снова на помощь приходитъ «Другъ Христіанина». Наконецъ, сказавъ поученіе на миссіонерскую тему, проповѣдникъ отдаетъ листки одному изъ молящихся, и этимъ содержаніе своего поученія сильнѣе вводитъ въ сознаніе слушателей. Этимъ путемъ нѣкоторые скептики, нашедшіе что-нибудь сомнительное въ утвержденіяхъ проповѣдника, по полученному листку могутъ лично проверить приведенныя имъ цитаты. Кромѣ того, листокъ послѣ этого переходитъ изъ рукъ въ руки и дѣлаетъ свое великое миссіонерское дѣло, разрывая сектантскія тенета. А пустите-ка въ теченіе года въ народъ 365 такихъ листковъ, а въ теченіе 10 лѣтъ—3650, неужели они не принесутъ колоссальнаго плода? Я на каждомъ листкѣ печатаю посредствомъ домашней типографіи слова: «Не рви, а дай прочитать другимъ, ибо ап. Павелъ повелѣваетъ: «назидайте одинъ другого» (1 Сол. 5). Пусть каждый священникъ вмѣсто сытинскаго и др. календаря купитъ «Другъ Христіанина» и потомъ раздастъ его народу. Этимъ онъ достигнетъ двойной пользы: пріобрѣтетъ богатый сборникъ темъ для проповѣдей, для чего ему въ противномъ случаѣ придется расходовать новую сумму и напоить питіемъ вѣчной жизни своихъ прихожанъ, сдѣлаетъ духовную милостыню.

Въ содержаніе «Др. Хр.» входятъ слѣдующіе отдѣлы.

На лицевой сторонѣ ежедневнаго листка—общекалендарныя свѣдѣнія, мѣсяцесловъ, святцы,—указаніе евангеліескихъ и апостольскихъ чтеній дня, особенностей богослуженія въ великіе праздники. Здѣсь же помѣщаются на каждый день классическія изреченія изъ ученія святыхъ Отцовъ, какъ голосъ Божественной мудрости, какъ урокъ дня. Въ концѣ листка на лицевой сторонѣ выписываются изъ дневнаго евангелія или апостола основныя, важныя въ миссіонерскомъ отношеніи, текстъ, служащій темой для трактата помѣщаемаго на оборотной сторонѣ дневнаго листка.

На оборотной сторонѣ листка помѣщается на тему чаще всего выписаннаго текста Св. Писанія въ сжатомъ популярномъ изложеніи догматическое или полемико-апологетическое назидательное разсужденіе о томъ или другомъ догматѣ нашей Православной вѣры, пререкаемомъ сектантскими и безбожными лжеучителями, краткая характеристика сектанства новѣйшаго (іоанниты, братцы, толстовство, масонство), опроверженіе неправды, еретическихъ и безбожныхъ социалистическихъ ученій. Въ нѣсколькихъ листкахъ дается истинное пониманіе патріотическихъ и монархическихъ началъ, національныхъ основъ нашего государственнаго устройства. Такъ что въ 365 листкахъ «Друга Христіанина» читатель найдетъ общедоступное обличеніе лжеученій, исчерпывающее весь кругъ главнѣйшихъ заблужденій рационалистическихъ (главнымъ образомъ штундобаттизма) и мистическихъ (хлыстовства, Новаго Израіля, іоаннитства) сектъ и будетъ имѣть сводъ важнѣйшихъ мѣстъ св. Писанія, а равно и классическихъ изреченій Божественной и чело-

вѣческой мудрости, которая полезно и даже необходимо твердо знать и постоянно хранить на памяти всѣмъ православнѣющимъ людямъ, которые, увы! въ отношеніи знанія Слова Божія куда бѣднѣе сектантовъ.

Календарь укрѣпленъ на папкѣ съ художественной картиной «Моленіа о чашѣ», и сдѣланной въ 4 краскахъ.

Убѣдившись изъ перваго опыта изданія, какъ неотложна нужда и велика важность такого миссіонерско-апологетическаго изданія, я счелъ своимъ долгомъ предъ миссіей церкви вновь издать на 1912 годъ отрывной миссіонерскій календарь подъ тѣмъ же названіемъ «Другъ Христіанина».

Въ содержаніе «Друга Христіанина» на 1912 г. вошелъ въ томъ порядкѣ расположенный совершенно новый миссіонерско-апологетическій матеріалъ, причемъ на ряду съ евангельскимъ содержаніемъ отведено нынѣ болѣе прошлагодняго мѣста для святоотеческихъ твореній, примѣровъ жизни святыхъ, а также историческимъ каноническимъ доказательствамъ пререкаемыхъ лжеученіями вопросовъ вѣры.

Должное вниманіе и значительное мѣсто отведено характеристикѣ и обличенію существа лжеученія модныхъ, обольщающихъ народъ, новѣйшихъ мистическихъ сектъ, каковы «Братцы», Иоанниты», «Новый Израиль».

Въ листкахъ 1912 г. читатель найдетъ и наставленіе и освѣщеніе съ церковной точки зрѣнія жгучихъ вопросовъ текущей политической жизни, какъ напр., характеристика партій, и отвѣты на вопросы: кого надо выбирать въ 4 Гос. Думу, въ чемъ истинный патріотизмъ и націонализмъ.

Новость въ календарѣ 1912 г. — составляетъ также помѣщеніе нотъ для пѣнія на вѣбогослужебныхъ бесѣдахъ и въ семьяхъ, религіозныхъ стихотвореній, кантовъ и проч.

Какъ извѣстно, сектанты многихъ увлекаютъ пѣніемъ на своихъ собраніяхъ и пріучая дѣтей и семьи къ общему пѣнію, даютъ въ своей летучей литературѣ и календаряхъ ноты протестантскаго духа и тона. Мы же въ нашемъ «Другѣ Христіанина» сдѣлали опытъ популяризаціи православныхъ кантовъ съ православной гармонизаціей мотивовъ.

Въ цѣляхъ удешевленія стоимости изданія календаря, праздники напечатаны тою же черной краской, но въ рамкѣ, въ центрѣ которой крестъ, на лѣвой сторонѣ свѣщ. книга-евангелія съ текстомъ: «ислѣдуйте писаніе», на правомъ—православный храмъ съ текстомъ: «ислѣдуйте писаніе», на правомъ—православный храмъ съ текстомъ Слова Божія: «вниду въ храмъ Господь-Господень и поклонюся». Рамка эта наглядно показываетъ читателю, что день праздничный и христіанинъ долженъ свѣтити чтеніемъ Слова Божія и молитвою въ храмѣ.

Предпринявъ это новое и единственное пока въ календарной литературѣ изданіе стѣннаго православнаго календаря «Другъ Христіанина», — исключительно въ интересахъ утвержденія православнаго грамотнаго народа въ истинахъ роднаго православія и съ цѣлью евангельскаго огражденія «сихъ малыхъ» отъ религіозныхъ лжеученій, — издатель усерднѣе проситъ архипастырей, пастырей церкви, а также всѣхъ кому дороги Матерь - Церковь и алчущій правды вѣры русскій народъ—обратить свое благочестивое вниманіе на «Др. Хр.» и оказать содѣйствіе къ широкому распространенію его въ православномъ обществѣ и народѣ, въ школахъ, въ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Цѣна «Другу Христіанину» въ 1912 г. 50 к. безъ пересылки, съ пересылкою 75 коп. Выписавшимъ не менѣе 10 экз. уступка 20%. Адресоваться исключительно въ редакцію «Мисс. Обзор», С.-Петерб. Невскій 153.

Редакторъ-Издатель В. М. Скворцовъ.

Вышелъ третимъ издакiемъ Сборникъ Церковныхъ Пѣснопѣнiй.

Съ переводомъ ихъ на русскiй языкъ.

Составилъ Ключарь Московскаго придворнаго Верхоспасскаго собора
Протоіерей **В. Успенскiй.**

Вышедшій въ настоящее время третимъ издакiемъ составлен-
ный Сборникъ главною своею цѣлью имѣеть удовлетвореніе давно
уже назрѣвшей потребности участія молящихся въ общенародномъ
церковномъ пѣнiи. Устраиваемыя теперь почти повсемѣстно внѣ-
богослужебныя собесѣдованія даютъ возможность, при пособіи Сбор-
ника, разучивать церковныя пѣснопѣнiя съ народомъ и пригото-
вляться къ исполненію ихъ во время богослуженія. Соотвѣтственно
указанной цѣли, въ составъ Сборника внесены: ц. пѣснопѣнiя все-
нощнаго бдѣнiя и литургiи и изъ воскресной службы, изъ службы
дванадесятихъ праздниковъ, изъ службы во Св. Пасху изъ службъ
В. поста: первой седмицы и страстной седмицы, ц. пѣснопѣнiя изъ
приготовительныхъ недѣль къ В. посту, въ недѣлю Антипасхи;
Изъ службъ въ праздники святыхъ и Богородичныхъ—тропара и
величанія общіе Богородицѣ и святымъ и изъ службъ молебныхъ
пѣнiй, изъ чина погребенія, панихиды, таинствъ Крещенія, Брака
и Елеосвященія и изъ заупокойной службы въ субботу мясопуст-
ную и т. п.

Въ виду совершеннаго незнакiя или плохого знанія массою
ц. славянской грамоты, — все пѣснопѣнiя на ц.-славянскомъ языкѣ
напечатаны русскимъ (гражданскимъ) шрифтомъ (крупный цитеро)
съ раздѣленіями ихъ для остановокъ на музыкальныя стрѣки. А
дабы сдѣлать содержаніе пѣснопѣнiй понятнымъ для поющихъ,
параллельно славянскому тексту помѣщенъ въ Сборникѣ переводъ
ихъ на русскiй языкъ.

Весь сборникъ съ приложеніями заключаетъ въ себѣ 17 пе-
чатн. лист. (544 стр. въ 16 д. печ. л.), изданъ на лучшей бумагѣ
сравнительно съ вторымъ издакiемъ. **Цѣна безъ пересылки 50 коп.**
При требованіи 100 экз. и болѣе—30% уступки (35 к. за экз.);
пересылка во всѣхъ случаяхъ за счетъ покупателя.

Книги высылаются за наличныя и наложеннымъ платежомъ.

Адресъ: Москва. Новоспасскiй монастырь. Настоятелю Монастыря.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Для преподавателей Закона Божія въ народныхъ школахъ
КНИЖНАЯ НОВОСТЬ!

„РУКОВОДСТВО“

== въ христіанской православной вѣрѣ. ==

Часть I-ая: **О ВѢРѢ.**

Для народныхъ двухклассныхъ школъ и домашняго
наученія.

Составилъ протоіерей **Петръ Поташевъ.**

Цѣна **25 к.** съ перес. = Адресъ: **Теріони**, Выборгской губ.

— **НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:** —

діакона **І. СМОЛИНА.**

Миссіонерскія памятки или схематическія бесѣды по различнымъ вопросамъ вѣры, пререкаемымъ сектантами, выходятъ листками въ особомъ, узкомъ и продолговатомъ форматѣ,*) и имѣютъ цѣлю служить пособіемъ для самостоятельнаго прохожденія курса начальныхъ миссіонерскихъ познаній и въ то же время—закладками для Библии, на случай бесѣды съ сектантами. На каждый предметъ печатается особый листокъ на веленовой бумагѣ въ 2 стр. Цѣна $\frac{1}{2}$ коп. за экземпляръ. Эти же памятки свыше (70 вопросовъ) печатаются отдѣльной книжкой и будутъ переплетены въ мягкій коленкоровый переплетъ.

Симфонія (алфав. указ.) на Новый и Ветхій Заветъ съ общими и миссіонерскими параллелями. Изд. 2-е 1910 г., въ большой книжный форматъ. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 50 к. безъ пересылки.

Мечъ духовный для отраженія сектантскихъ лжеученій. Цѣна 1 р. 20 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к. безъ пересылки. Брошюры того же названія по 61-му противосектантскому вопросу. Цѣна за комплектъ 1 руб., въ отдѣльности отъ 1 до 3 коп. экз.

Краткій Толкователь мѣстъ Священ. Писанія, извращаемыхъ иномыслящими съ православною Церковью. Ц. 80 к., въ переплетѣ 1 р. безъ пересылки.

Библия съ краткимъ противосектантскимъ толкователемъ, въ переплетѣ ц. 2 р. 60 к. безъ пересылки. Высылаются и другія миссіонерскія пособія.

За пересылку прилагается на каждый рубль, какъ равно и на сумму меньше рубля — 20 копеекъ.

Адресъ: **С.-Петербургъ, Пантелеймоновская 15,**
діакону ІОАННУ СМОЛИНУ.

*) Въ настоящее время вышло 16 №№, заявившимъ желаніе получить всѣ выпуски, будутъ высылаться таковыя немедленно по выходѣ изъ печати, серіями по 16 №№.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Редакціей «Сборника» получены случайныя свѣдѣнія, что не всѣ повидимому подписчики—даже изъ причтовъ епархіи—получаютъ исправно выпуски «Сборника». Крайне сожалѣя о такихъ недоразумѣніяхъ съ разсылкой «Сборника», Редакція покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ откровеннѣе и непосредственно лицамъ, завѣдующимъ изданіемъ объявлять о всѣхъ подобныхъ недоразумѣніяхъ, чтобы всякій допущенный промахъ съ разсылкой Редакція могла немедля исправить.

Редакція «Сборника»,—въ цѣляхъ болѣе скорого появленія и большаго разнообразія выпусковъ «Сборника» на слѣдующій подписной годъ,—покорнѣйше проситъ всѣхъ сочувствующихъ изданію лицъ не отказать **направлять матеріаль** для будущихъ выпусковъ **съ возможной заблаговременностью** по указанному въ объявленіи о «Сборникѣ» адресу.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„Православный финляндскій Сборникъ“

на 1912-й годъ.

(З^{III} ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

СЪ ПОДПИСКОЙ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:

„Выборгъ, канцелярія финляндскаго Архіепископа“.

Редакція „Сборника“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ.

Православный Финляндскій Сборникъ

и въ 1912-мъ году будетъ выходить не менѣе четырехъ разъ въ годъ по слѣдующей, утвержденной Св. Синодомъ, программѣ:

I. СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ ПРАВОСЛАВНАГО ВѢРО- И ПРАВОУЧЕНІЯ (раскрытіе истинъ Православія, особенно въ виду лютеранства съ его разными и преимущественно мѣстными сектами);

II. ПРОПОВѢДИ — (оригинальныя и изъ другихъ изданій, въ особенности катихизическаго и мисіонерскаго содержанія).

III. ПРАВСТВЕННЫЕ УРОКИ ИЗЪ ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ, ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦОВЪ и вообще НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

IV. СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ МѢСТНОЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ФИНЛЯНДІИ И КАРЕЛИИ: запросы и нужды правосл. мисіи, школы, прихода, паствы, духовенства и т. под., обзорніе инославія и сектантства въ ихъ отношеніи къ Православію, особенно въ Карелии.

V. СТАТЬИ ИСТОРИЧЕСКІЯ О СУДЬБѢ ПРАВОСЛАВІЯ НА РУССКОМЪ СѢВЕРѢ ВООБЩЕ, И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЪ КАРЕЛИИ, труды и подвиги св. подвижниковъ-просвѣтителей Сѣвера. Исторія сѣверныхъ въ особенности карельскихъ и финляндскихъ монастырей, церквей, часовенъ и всякіе слѣды православія, разсыянные среди инородцевъ и инославныхъ.

VI. ХРОНИКА И ИЗВѢСТІЯ ПО ЕПАРХІИ, распоряженія Епарх. Начальства, дѣятельность братства, приходская жизнь, инославіе и т. д.

ВЫДАЮЩИЯСЯ СОБЫТІЯ И МѢРОПРІЯТІЯ СОСѢДНИХЪ ЕПАРХІЙ: Олонецкой, Архангельской, С.-Петербургской и др.

VII. ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ русской и мѣстной, преимущественно по вопросамъ мѣстной православной церк.-обществ. жизни, а также по Карельскому вопросу.

VIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ, ЗАМѢТКИ, ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. Въ каждомъ отдѣльномъ выпускѣ обязательно имѣть всѣ перечисленные отдѣлы программы.

Сборникъ будетъ издаваться на русскомъ языкѣ, но будутъ помѣщаться статьи и на финскомъ и карельскомъ языкахъ съ экстрактомъ или полнымъ переводомъ на русскій языкъ, смотря по возможности и степеніи интереса.

Въ качествѣ приложенія, по мѣрѣ возможности, Редакція предполагаетъ со временемъ издавать Сборникъ проповѣдей на финскомъ и карельскомъ языкахъ.

Подписная цѣна 1 рубль въ годъ.

Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 марка (37½ коп.).

Ясно поставивъ себѣ задачей служить, по мѣрѣ своихъ силъ, строго-православному отчасти и русскому вообще дѣлу на Финляндской окраинѣ, Редакція съ готовностью въ то же время общается давать на страницахъ Сборника мѣсто всякому православно-церковному искреннему и свободному обсужденію вопросовъ, входящихъ въ программу изданія.

Всякія статьи, сообщенія и корреспонденціи, назначаемыя къ помѣшенію въ изданіи, просятъ адресовать: или Редактору Сборника — гор. Нейшлотъ, или Редакціи «Пр. Финл. Сборника» — Выборгъ, Архіерейскій Домъ.

Подписные взносы и денежные отправленія адресовать:

«Редакціи Православнаго Финляндскаго Сборника»

Выборгъ, Канцелярія Финл. Архіепископа.

Редакторъ, священникъ Тригорій Свѣтловскій.